

ЕЛЕНА
КНЯЖИНА

16+

К черту!

**ЛЮБОВЬ
КОНТРАКТОМ
НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА**

Елена Княжина

**К черту! или Любовь
контрактом не предусмотрена**

«Автор»

2022

Княжина Е.

К черту! или Любовь контрактом не предусмотрена /
Е. Княжина — «Автор», 2022

Рассеянность сыграла со мной злую шутку. Я умудрилась потерять собственную душу. А точнее, у меня ее украли. Ладно, как говорит Высший Гад, «взяли в аренду». По контракту я обязана месяц отрабатывать его личной ассистенткой. Ничего такого, о чем вы сейчас подумали. Просто угрюмый босс любит чистоту. Надо поскорее возвращать душу, пока демон не начал претендовать на другие части тела. Но вот загвоздка: в контракте имеется коварный пункт. Любой отказ – и срок моего бытового рабства увеличивается вдвое.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Княжина

К черту! или Любовь контрактом не предусмотрена

Пролог

– Вот, держи – мыло и веревка, – наглец в самом деле протягивает мне моток и скользкий огрызок.

– З-зачем? – делаю шаг назад, в сторону окна.

– Ну вот! Ты учишься мыслить в правильном направлении, – одобрительно кивает этот му-у-у... жчина. – Мой окно. Там что-то прилипло снаружи. Похоже на муху.

– Муху? Снаружи? Тут четырнадцать этажей!

– Карниз широкий.

– Я не удержу равновесие, – упираю руки в бока, надеюсь выиграть этот раунд. – Пункт восемь дробь пять: «кроме случаев, угрожающих безопасности жизни».

– Внимательная какая... А веревка тебе на что?

– А на что она мне?

Он ласково обматывает меня тонким тросом, завязывает приличный такой узел и накрепко фиксирует свободный конец вокруг своего кулака.

– Я беру на себя ответственность за твою безопасность. Далекое не упадешь. Твоей жизни ничего не угрожает. Ненавижу грязь. Ненавижу мух. И неторопливых ассистенток тоже ненавижу.

Какой капризный мне попался рабовладелец! Про «торопливость» в контракте ничего не говорилось, так что я неспешно подхожу к окну. Робко выглядываю... Мда. Внизу снуют крошечные прохожие. Между мной и ими все еще четырнадцать этажей. Ничего с утра не изменилось.

Я что, правда собираюсь вылезти наружу и вымыть треклятое окно? Выдыхаю. Да, собираюсь. А что остается? Хватаюсь рукой за каблук туфли... И в последний момент слышу:

– Не снимай. В них твои ноги красивее.

Понимаю: пытаться ему объяснить, что красота ног никак не сказывается на эффективности мытья окон, – бессмысленно. Это полено пробьет разве что дедовский топор, и то – не факт.

Так что я просто приподнимаю над коленями юбку-карандаш (и какой черт меня дернул так вырядиться к зачету?) и влезая на подоконник. Дрейк не стремится мне помочь. Позволяет все сделать самой. Лишь покачивает в воздухе связующим нас тросом, не отрывая зеленых глаз от зоны, где заканчивается ткань присборенной юбки.

Вооружившись влажной губкой, прилагавшейся к обмылку, и до белых костяшек вцепившись рукой в оконную раму, я делаю неуверенный шагок на карниз. Холода я не чувствую – тело стремительно разгоняет по венам адреналин.

– Смелее, мышонок, – прилетает хрипкое вдогонку.

Главное, не смотреть вниз, так ведь? Разумеется, тут же смотрю.

Неужели эти крошечные пятна – живые люди? Все куда-то спешат, и ни у кого нет минуты, чтобы поднять голову и увидеть сумасшедшую девицу, попавшую в крайне шаткое положение. Равнодушная толпа, озабоченная своими проблемами.

Еще шаг в сторону, и карниз издает жалобный всхлип. Да, дорогой, мне тоже несладко. Терпи. Я тянусь губкой к черной точке, так смутившей требовательное начальство. Действительно, муха. И что она тут забыла среди зимы?

Окно утопает в мыльных разводах, муха плавно стекает вниз... Какой-нибудь тайский независимый кинорежиссер – тот, что получил золотую пальмочку в Каннах, – вполне мог бы снять про это артхаусную короткометражку. Непременно под классическую музыку...

Что-то идет не так.

Черт!

Каблуки разъезжаются на поверхности, вмиг ставшей скользкой. У меня нервно дергаются колени. Хочется заорать на весь проспект, чтобы эти крошечные пятна подняли свои головы, и хоть кто-то пришел меня спасти. Но голоса нет. Ужас забрал его, заморозив связки.

Дрейк резко дергает трос на себя, и я прилипаю к мокрому стеклу. Ноги дрожат, на языке одни ругательства. А он смотрит со скучающим любопытством в окно, к которому прилипла насквозь мокрая я. Как та самая муха, да. Прекрасно понимаю теперь ее ощущения.

Этот гад тем временем сосредоточенно прожигает две дырки в области декольте.

– Риэлтор прав – отсюда открывается прекрасный вид, – выдает, наконец, вызревшую мысль мой внезапный босс.

Да будь проклят тот день, когда я подписала чертов контракт! И восславься день сегодняшний, когда я заключила совсем иной договор, о котором этот му-у-у... жик и не подозревает.

Глава 1

Незадолго до событий, описанных в прологе

– Любишь стоять на коленях? Могу предложить тебе работу, – первое, что я услышала тем чертовым утром.

Произнесенное сухим, будничным, будто даже слегка раздраженным тоном, оно никак не вписывалось в мою картину мира. Уже хотя бы потому, что незнакомый тип, чей голос доносился сзади и свысока, обращался ко мне на ты.

Я медленно повернула голову, все еще опираясь на обе ладони. Колени ныли – падение на асфальт было болезненным. Сразу вспомнились детские годы, «казаки-разбойники» и мама, вооружившаяся ваткой с зеленкой. Каблуки при нынешнем состоянии обледенелых тротуаров – смертельное оружие, направленное против себя.

Но все неприятные ощущения вмиг заглушило приливом ярости. Мужик – изрядно небритый и лохматый – откровенно пялился на мои выпяченные «нижние девяносто».

– Мне не нужна работа, – прошипела в ответ и попыталась встать.

На помощь этого хама, упакованного в джинсы и серое пальто, рассчитывать не приходилось.

– Уверена? Уж очень вид у тебя занятный. А мне как раз нужна уборщица.

Вот тут я поперхнулась. Уборка? В смысле, полы мыть?

– А ты на какую вакансию рассчитывала? – угольная бровь графично выгнулась. – Квартира новая, пыли мало. Но уборщица нужна. Та, что меня устраивала на 80%, как сквозь землю провалилась. А я, как на зло, не выношу грязь.

Он, видимо, рассчитывал на мое сочувствие. Но меня хватило лишь на самодовольный хмык. Я бы на месте той уборщицы тоже куда-нибудь с радостью провалилась.

На колготках зияли две дыры, из которых выглядывали свежеприобретенные продольные ссадины. Я раздосадованно охнула, на минуту забыв о противном товарище. Надо покупать новые, а денег от стипендии и подработки почти не осталось. На себя-то мне обычно хватало, но последнюю неделю приходилось кормить целых три рта.

– Терпеть не могу новомодные штучки. Роботы-пылесосы, электро-швабры... – продолжал мужик, неодобрительно поглядывая на мои порванные колготки. – Люблю традиционную уборку. Колени, руки, тряпка. И немного усердия. Все, что нужно для чистоты.

– Безумно интересно, но... – вклинилась я в его высокомерные философствования. – Шли бы вы уже к черту, а?

И, не дожидаясь ответа, устремилась к зданию университета.

Носить в сумке запасную пару колготок – непозволительная роскошь для меня по нынешним временам. Поэтому как есть, с драными кровоточащими коленками, я проковыляла на третий этаж нашего корпуса. Рогозин грозился устроить устный тест на первом же занятии, а опаздывала я уже прилично.

«Последний курс, последний курс» – бормоча, словно мантру, я втиснулась в аудиторию. Каких-то несколько месяцев, и моим мучениям придет конец.

Нет сомнений, что наш профессор заметил мое наглое вторжение – с начала лекции прошло уже двадцать минут. Но, за что люблю Алексея Николаевича, так это за такт и деликатность. К тому же он не скрывал, что считает меня перспективной, и как-то даже звал в свою «особую группу» по окончании университета. Кивнув не глядя, Рогозин отпустил меня с миром в дальний уголок и продолжил что-то рисовать на доске.

Милана красноречиво прокатилась глазами по моим ободраным коленям и фыркнула на всю аудиторию.

– Что, Ласкина, прогул у Веденева отрабатывала? – прошипело несносное создание, скрывавшее за мелкими веснушками и рыжими локонами три литра желчи, лишь слегка разбавленной кровью.

И нет, судя по хихиканью двух ее ближайших подруг – Гареевой и Смолкиной – имела она в виду далеко не мытье полов. Гадство.

– Ты его попроси ковер, что ли, постелить... Тебе ведь в этих колготках до конца года бегать, – продолжила Милана изливать нечистоты.

«Последний курс, последний курс»... А впереди еще три пары.

– Ивлева, ты у меня к доске захотела, что такая шумная?

Милана мигом притихла, а я мысленно возблагодарила Алексея Николаевича. Да он просто чертово светлое пятнышко в этом отвратительном дне!

– Ласкина... – поднял он глаза выше по проходу, туда, где стояла я.

– Я... да?

– Иди в медпункт. Нечего мне аудиторию кровищей заливать.

И правда, с колен уже сочно капало. Блин.

– Так ведь тест сейчас, Алексей Николаевич, – попыталась я оправдать свое странное рвение.

На самом деле, университетский врач знает лишь один ответ на все травмы крупного и мелкого калибра. А ходить пол дня с коленями, залитыми зеленкой... Да я лучше сквозь землю провалюсь!

– Успеешь. Мы как раз ждем кое-кого. Иди! – приговором прозвучало из уст любимого преподавателя.

А кого «мы», собственно, ждем?

Клавдия Григорьевна все-таки щедро залила мои колени «бриллиантовой зеленью». Ковыляя на подгибающихся ногах, я снова покоряла лестницу в три этажа.

Когда я вошла в аудиторию – зеленая, словно Шрек, этакий «детский сад, штаны на лямках» – Алексей Николаевич был уже не один. Рядом с ним, вальяжно опираясь руками и, кхм, бедрами на профессорский стол, стоял мужчина. И да, к прискорбию, это был тип из переулка. Тот самый, предлагавший устроиться к нему уборщицей!

День официально переместился из категории «средней паршивости» в «кошмарнее некуда». Я его к черту послала, да? А сейчас окажется, что это друг моего любимого преподавателя и какая-нибудь важная шишка? Да, Ласкина, с твоим везением в казино была бы любимым клиентом.

Хотя... он ведь сам начал. Нечего было пялиться, как на забавный экспонат на выставке современного искусства.

Сейчас я мужчину лучше разглядела, потому что пока отсвечивала остолбенело на пороге, образ сам впечатывался в сознание. Растрепанные темные волосы, не длинные, но ухватить пальцами при желании можно. Стильная небритость. Лицо загорелое, но не слишком.

Фигура... Хорошая, черт его дери, фигура. Что надо фигура... Это подтверждала тонкая белая рубашка, как влитая прилипшая к телу и заправленная в джинсы. «Супер слим фит», так это, кажется, зовут. Темно-синий клубный пиджак валялся на столе.

– А... Ну вот, так-то лучше, – пробормотал наш добряк-профессор, разглядев меня за вопиюще зелеными пятнами. – Садись.

Милана громко хрюкнула. Кто-то из ее соседок тихонько пропел куплет про елочку, которая «зимой и летом стройная, зеленая была»...

Тип, что стоял возле нашего Алексея Николаевича, приподнял бровь, проскользил глазами от щиколоток вверх, задержался на двух огромных зеленых кругах, пошел выше... И где-то в области бедер кивнул в знак узнавания. Дальше он глаз не поднимал. Неинтересно.

Феноменально. Он поздоровался с моим задом. Это просто... Просто... Да я чуть не задохнулась от унижения.

– Как я уже сказал, профессор Даррел Дрейк прибыл к нам из Вашингтона с курсом лекций. Прошу отнестись с уважением к моему давнему знакомому, который согласился встряхнуть ваши подвысохшие умы. Сегодня он будет помогать мне на устном тесте, заодно познакомится со своими подопечными поближе. Прошу не удивляться, если он захочет расспросить вас о чем-то дополнительно, и отвечать по существу.

Я не могла себе этого объяснить, но присутствие странного «профессора Дрейка из Вашингтона» меня уникальным образом... бесило. Не Милана – к ней я привыкла и знала, как облупленную. Она никогда не строит пакостей, только говорит, пытаясь уколоть побольнее. И даже не зеленые колготки. А вот этот... вот этот. Хам – вот, пожалуй, верное слово.

Я тихонько присела рядом с Лил, закатившей глаза на мои гоблинские колени.

– Ты просто «тридцать три несчастья», Лесь, – фыркнула девушка, пряча лицо за смолисто-черными прядями.

Мы с первого курса дружим, но в последние пару лет ее вечно все не устраивает. Как я одеваюсь, где живу, чем занимаюсь... Есть такие люди, которые уверены, что лучше знают, как надо. Вот Лил из таких. Жутко настойчивых.

– Отменный экземпляр, – пробормотала в кулачок Лиля. – И улыбка ангельская.

Я невольно подняла глаза на хамоватого мужика. Слегка вздернув уголок губ, он оглядывал аудиторию и ровно в этот момент остановился на мне. Ухмылка стала кривее. Как так? Он опознал меня не по филейной части, а вполне себе по лицу? Прогресс.

– А мне он больше напоминает черта из табакерки, – я отвела взгляд, потому что волосы на затылке начали уже шевелиться от пристального внимания. – Такие, знаешь, с рожками, пяточками, хвостиками и копытами. Мерзкие, гадкие и выпрыгивают всегда, когда их не ждешь. Что он тут забыл? Будет подменять Рогозина?

– Неа... – лениво протянула Лил, бесстыдно поправляя свой пуш-ап так, чтобы ее единичка смотрелась хотя бы троечкой. – Будет вести отдельный курс. И нас всех добровольно-принудительно на него записали.

– Понятно... Тебя добровольно, меня принудительно.

– Ой-ей, какая цаца, – фыркнула Лиля. – Не нравится – не ешь.

Продолжить душещипательную беседу с Лилей не удалось – и слава богу. У нее был весьма странный вкус на мужчин. Это подтверждала челюсть подруги, отвалившаяся в тот момент, когда профессор Дрейк принялся засучивать рукава.

Нет, я тоже в состоянии оценить красоту мужского тела. Все эти вены, опутывающие загорелые руки. Мышцы плеч, обтянутые тонкой хрустящей тканью. Но это совершенно не спасает ситуацию, когда обладатель привлекательной фигуры – полный му-у-у... Словом, нехороший человек. «Редиска», как говорили в любимом фильме отца.

Вот наш Алексей Николаевич – глаза сами устремились к фигуре моего научного руководителя – тоже очень хорош собой. Я даже загордилась им издалека. Да, рубашка не такая модная, и вместо пиджака – джемпер невнятного оттенка. Но ростом и статью он этому заграничному профессору не уступал.

Короткостриженные виски Рогозина уже забелила седина, голова была вовсе лысой, а вокруг глаз скопились лучи морщин. Но в остальном он был еще хоть куда. Плотно сбитый, подтянутый, широкоплечий. Наш русский ответ их импортному товару!

Пока я мысленно нахваливала «свое, отечественное», аудиторию прорезала знакомая трель. Алексей Николаевич вынул из кармана джинсов телефон и, уже приняв вызов, одними губами сказал Дрейку: «Это надолго. Вызывай пока сам».

Я внутренне ждалась, предчувствуя, что разбитыми коленками мои сегодняшние неприятности не закончились. Интуиция пятой точки тут была не причем. Просто в меня с размаху врезались зеленые глаза, едва за Рогозиным закрылась дверь.

– Ласкина, – тихо и ровно, но так, что расслышали даже мыши, произнес хам.

И, что странно – он сначала посмотрел на меня, а потом уже фамилию выдал. И в список даже не глядел.

Лиля завистливо простонала, что на моем месте должна была быть она. Не зря же родители наградили ее фамилией Аверьянова. Исключительно с целью, чтобы во всех списках любимая дочь стояла на первом месте.

Черт, да я бы с превеликим с ней поменялась. Но все же поднялась со стула и принялась медленно спускаться по лестнице, чувствуя себя неуклюжим мультяшным пандой. Сколько же тут ступенек?

Коленки продолжали саднить, напоминая о том, что к профессорскому столу сейчас идет не хрупкая невысокая блондинка, а самый настоящий зеленый Шрек. Я поспешно присела на стул, отведенный под экзекуцию, и накрыла дырки в колготках ладонями.

Дрейк занял место напротив. Нас разделил широкий дубовый стол, но мне все равно захотелось отодвинуться еще немного назад. Я вжалась всем телом в спинку стула, и тот предательски скрипнул на всю притихшую аудиторию. Иноземный гость вскинул на меня глаза, наделенные необычной магической зеленцой, и криво улыбнулся. Хам.

Перед ним лежал список. Дрейк машинально поглаживал подушечкой пальца звездочку, стоявшую напротив моей фамилии. Каким-то образом я умудрилась ее разглядеть. Интересно, что решил отметить Алексей Николаевич? Что я молодец и меня нельзя заваливать? Хорошо бы, потому что на сегодняшнем тесте я откровенно поплыву – изучающий взгляд сбивал с умных мыслей.

– Кхм, Олеся Владимировна... Скажите, какие еще у вас есть бытовые навыки и скрытые таланты, кроме красочных приземлений? – негромко выдал профессор. – Варите кофе? Что насчет кулинарных способностей?

Это и есть дополнительный вопрос, на который я должна ответить «по существу»? Офенареть.

– Плету макраме, – фыркнула, глядя в яркие травянисто-зеленые глаза. Они удивительным образом гармонировали с моими коленями.

– Интересно. Хотелось бы на это посмотреть.

– Вот как? А больше вам ни на что посмотреть не хочется?! – разъяренно прохрипела я, и тут же об этом пожалела, потому что он скосил глаза на столешницу... куда-то в область напрягшихся от его внимания бедер.

– Хочется. Но я подожду, – совершенно спокойно выдал хам. – Я вас чем-то обидел? Вы трясетесь от гнева. Разве не слышали, что это один из семи смертных грехов?

– Пфф!

– И все же, чем? Я не давал вам повода для таких бурных эмоций.

– Не давали? Да вы мне предложили работу! – тихо, чтобы никто не слышал, прошипела ему в лицо.

– Пристойную и хорошо оплачиваемую. И вам определенно не помешают лишние деньги. Он даже плечами пожал, настолько был уверен в своей непогрешимости.

– Вы не помогли мне встать, – припечатала я последним аргументом. – Просто продолжали бессовестно пялиться, пока я поднималась... А я ведь упала! Мне было больно!

Глаза напротив опасно сузились, взгляд потемнел. Скулы заострились, очертив поросшее щетиной лицо смелыми графитовыми штрихами. В свете тусклой университетской лампы вдруг показалось, что передо мной не профессор Дрейк, а его грубоватый и мрачноватый эскиз, в спешке нарисованный угольками.

– Разумеется, больно, Олеся Владимировна. В том и заключена истинная сила человека – самостоятельно подняться после падения. Что действительно бессовестно, так это не верить в него и предлагать свою помощь, когда он точно может сам встать с колен.

Наружность он сейчас имел истинно демоническую. И, казалось, мыслями был совсем не со мной. Может, даже не в этом мире или времени.

Я не знала, что ответить на его сентенцию о «гордом поднятии с колен». Может, в философском смысле Дрейк и был прав (но тогда он явно ошибся факультетом). Но в сухом остатке – по-мужски и с оглядкой на общечеловеческий этикет – считался полным му-у-у... хомором, вот.

Вместо того, чтобы забрасывать меня содержимым теста – терминами из узкоспециальных бизнес-тем, – вашингтонский засранец продолжал изучать мои криминально-бытовые способности. Среди важных дополнительных вопросов были:

«Вы жаворонок или сова, Олеся Владимировна?»

«Вы храпите во сне? В какой позе спите?»

«Хорошо ли ориентируетесь в незнакомой местности и бегло ли набираете текст на клавиатуре?»

Ответила я только на последний – к этому моменту сумела взять себя в руки и перестать скрипеть зубной эмалью.

– Я печатаю быстро и почти без ошибок, но двумя пальцами, – машинально пробормотала, размазывая пальцем зелень по колену. Легкая саднящая боль отвлекала от желания придушить заморского хама. – Ориентируюсь плохо. Отец шутит, что у меня «топографический идиотизм». Но не понимаю, какое это отношение имеет к работе переводчика-международника?

– К чему? Ах, да... – спохватился Дрейк и помял указательным и большим пальцем щетину на подбородке. – Будет неловко, если вы заблудитесь по дороге в конференц-зал, Олеся Владимировна.

– Сюда я как-то дошла, – возмущенно бросила в холеное лицо, на котором даже лишняя растительность казалась уместной.

– Не без приключений, смею заметить.

Одним словом, к возвращению Рогозина этот черт меня достал. И едва запекшуюся рану на коленке я все-таки успела расковырять от волнения.

Алексей Николаевич нахмурился, увидев меня на стульчике для экзекуции, и я виновато улыбнулась. Мол, делаю, что могу. Стараюсь очаровать иноземного наглеца. Даже ресницами хлопнула: честно-честно.

Мне льстило расположение Рогозина, и не хотелось его подставлять перед иностранным коллегой. Про нашего профессора ходили легенды: многие из его «особых» учеников становились настоящими звездами и получали бешеные зарплаты даже по столичным меркам. Я не была уверена, что смогу достигнуть таких же невероятных успехов, но считать себя чьим-то любимчиком было приятно. Да и просто по-человечески – Рогозин был классным мужиком. Каждой порой на коже он излучал надежность, уверенность, силу. Раньше мне казалось, что они с отцом во многом похожи. Но... теперь сходств обнаруживалось все меньше.

И тем непонятнее было, как он может звать вашингтонского хама «старым знакомым» и так по-свойски похлопывать его по спине. Впрочем, сейчас преподаватель выглядел недвольным. Я бы решила, что Рогозин злится, если бы за ним такая эмоция вообще числилась. Но он даже «неуды» ставил с располагающей улыбкой.

Алексей Николаевич отпустил меня одним кивком и вызвал строго по списку:
– Аверьянова Лилия.

Подруга опять поправила пуш-ап и вспорхнула со скамьи певчей птичкой, пробудившейся по весне. Всем видом она показывала, что готова радовать своей трелью Дрейка снова и снова. И снова.

Сумка к концу занятий стала неподъемной, хотя конспектов в ней не прибавилось. Хотелось сгорбиться и спрятаться за отворотами короткого полупальто, но я не позволяла себе раскиснуть. Вышагивала к общежитию, как ни в чем не бывало. Будто каблуки не разъезжались на льду, а колени, лишившиеся щита в 80 дэн, – совсем не мерзли.

– Эй, Ласка! Постой!... Где ты так грохнулась?

Нет, ну надо же! Именно в тот день, когда у меня ноги ободраны и залиты зеленкой, он решил вспомнить о моем существовании.

– Юра, привет... – промямлила, глядя в голубые глаза. Небесные, истинно ангельские.

– Ага, привет. Так что с коленками? Ты похожа на тролля.

– Спасибо, – не удержалась я от язвительной усмешки. – Асфальт и Клавдия Григорьевна были ко мне немилосердны. Ты чего-то хотел?

– А что, я уже так просто не могу к тебе подойти?

Нет, Юра. Так просто не можешь, и мы оба это знаем. Ты – о моей глупой трехрехлетней влюбленности, а я – о твоей привычке ей пользоваться. Говорила я это мысленно, а сама снова и снова запоем ныряла в глаза, ставшие моим наваждением со второго курса.

– Вот, думал в кино тебя позвать. И заодно конспект по латыни попросить. Я пропустил три последние лекции, а ты же всегда записываешь. И почерк красивый, читать приятно.

Я порылась в сумке и достала тетрадь.

– На, Юр. Только к понедельнику верни, ладно?

– Ааа... Хорошо, спасибо, – он неуверенно помялся с ноги на ногу и поправил длинную светло-русую челку, смешно выбившуюся из-под шапки бини. – Так что по поводу кино?

И ведь непонятно ни разу, это дань вежливости или «красавЕц Юрец», по которому сохнут даже младшие научные сотрудницы, правда хочет сводить меня на фильм. Как же сложно устроен мир!

– Я сегодня вечером занята. Ко мне сестра приехала с племянником, и вот...

– Понял. В другой раз, да? – парень очаровательно улыбнулся, не слишком расстроившись.

Значит, все-таки вежливость.

Глава 2

Общежитие встретило обшарпанными стенами и деланно незаинтересованной Илоной Ралиевой. Местной цербершей, властительницей убогих комнатушек и богиней горячей душевой воды.

– Ласкина, – она приподняла бровь, не отрываясь взглядом от маленького телевизора, встроенного в шкаф. – Мы на неделю договаривались. Завтра жду доплату.

Я поежилась от ее холодного тона. Непрошибаемая тетка. Никакая «сложная ситуация» ей не интересна.

– Можно в понедельник?

Я взволнованно сжала кулачки. Скажи: «Можно». Скажи же! До завтра у меня лишних денег точно не появится, все строго рассчитано. А в начале учебной недели можно попробовать у кого-то занять.

– Само собой. Жду в понедельник.

Я облегченно выдохнула и поплелась наверх по лестнице. По пути позволила себе заглянуть в уборную – плеснуть на лицо воды и хоть как-то отсрочить вторжение в комнату, которую своей я считать могла теперь с большой натяжкой.

Я уперлась глазами в пыльное, мутное зеркало, месяцами не выдавшее мыльной губки. Выгоревшие на астраханском солнце светлые волосы свисают со лба неаккуратными мокрыми сосульками. Пухлая нижняя губа искусана от волнения в кровь. Щеки лихорадит, из-за чего серые глаза кажутся почти бесцветными. А ведь на первом курсе я считалась красавицей. Сколько воды утекло.

А впереди – встреча с сестрой. Номинально старшей, но... Ответственности в ней не было ни на грамм. Хотя Валька любила вспоминать, как в детстве присматривала за мной, пока мать с отцом ходили в ресторан. Были в нашей жизни и такие времена.

Но «сюрприз», который она мне устроила сегодня, я даже в страшном сне бы не представила. Жизнь решила под вечер пнуть меня еще разок. Точнее, не пнуть, а так – потыкать носком безжизненно валяющееся тельце.

– Это что? – я указала пальцем на бумажный эко-пакет из «ГурманМаркта». – Валь... Я не понимаю.

– Не удержалась, Лесенок! Ну не могу я вот так, в четырех стенах, даже без нормальной еды. Ваня любит бананы, хотела его порадовать.

У меня опустились руки. Бог с ними, с бананами, но... На столе стояла начатая банка с крабовым мясом. Лежала разорванная на ломти свежайшая чабатта из французской пекарни... Тонкими кусочками – зелеными, как мои коленки, – нарезанный авокадо... И колотый твердый сыр, аромат которого сбивал с ног. Венцом всему – початая бутылка красного. Дорогого.

А у меня нет денег на новые колготки.

– Валь, ты все спустила?

– Не волнуйся! Я все решила. На днях я пойду в суд и подам на развод. Джад будет обязан выплатить алименты... Я все тебе верну.

Объяснять Вальке, что бракоразводный процесс с иностранцем затянется на месяцы, а до следующей стипендии еще две недели, – бессмысленно. Джад перекрыл ей кислород, заблокировав карты. А Валя за три года в Англии привыкла к бесстыдно красивой жизни.

Я бухнулась на стул, заваленный ее мятыми юбками, сунула два пальца в «крабовую» банку и выудила оттуда розовый ломтик. Хоть попробую, на что ушла моя стипендия. Валя с виноватым выражением на лице наполнила и придвинула ко мне керамическую чашку – ту,

что с нарисованным мышонком и отколотой ручкой. Не знала кружка на своем веку таких благородных напитков.

Я покосилась на трехлетнего Ваньку, игравшего с дверным шпингалетом. Для него это просто еще одно приключение.

Эти двое свалились мне на голову внезапно. Как два беженца-погорельца, бежавшие из зоны боевых действий. Валя даже не позвонила заранее. И почему-то (ладно, я догадываюсь, почему) полетела не в Воронеж в родительский дом, а ко мне, в комнатку общежития, рассчитанную на двоих.

Повезло, что вторая койка оказалась свободной. Соседка взяла академический отпуск и поехала к родным в Липецк. Ее отцу понадобился уход после аварии на заводе, а никого нового ко мне подселить не успели.

Но даже для одной меня тут было тесно. У двери громоздились шкафы и тумбы, забитые нашими пожитками, книжками и чашками. Между двумя кроватями – проход шириной в полтора метра, и в него втиснут стол для учебы. Словно в плацкарте.

Добавить еще Ваню, который с трудом находил себе занятие и почти не спал на новом месте. Неумение Вали пожарить картошку, не спалив кухню общежития. Отсутствие каких-либо финансов и ее склонность забрасывать одеждой мою половину жилплощади. И можно догадаться, что последняя неделя стала для меня адом местного разлива.

Но по рассказам Вали ее жизнь в Лондоне и вовсе напоминала фильм ужасов. Так что я стоически терпела.

Ее персональная сказка про принца на белом «Рейндж Ровере» разбилась... нет, не о быт. О кулак этого самого принца, оказавшегося ревнивым собственником и психопатом.

Валя была девушкой видной, улыбчивой, общительной. С детства она внушала себе и заодно мне, что мы достойны самого лучшего. А когда отец заключил первый миллионный контракт, уверилась в этом окончательно.

Сестра любила вечеринки и клубы, охотно прожигала деньги и молодость в компании длинноногих подруг-моделей. Ее белокурые кудряшки весело подпрыгивали, когда она покачивала бедрами в такт музыке. В одном из дорогих столичных заведений ее и нашел Дядя Вайлд.

Пугливой ланью Валька никогда не была, наоборот, совершенно открыто искала своей выгоды от любых отношений. Внушительная фигура, английский акцент и неприлично длинный банковский счет входили в ее понимание «самого лучшего». Так что с Дядей они быстроладили.

...Она никогда не признавалась мне, что он поднимает на нее руку. Никогда! Ни разу за все три года в Лондоне! А ведь мы созванивались раз в месяц.

И вот, в первый же день приезда, пряча глаза и едва связно бормоча, она вывалила мне голую, грязную, отвратительную правду. Оказывается, Валька дважды снимала побои в местном участке. И дважды они оттуда – как по волшебству! – пропадали. Деньги видного бизнесмена Дяди Вайлда решали любые вопросы.

Побег остался единственным шансом на спасение от тирана. И она прилетела ко мне. Словно я была большой и сильной, и могла укрыть сестру от этого страшного типа!

Прошла неделя, никто за Валькой не примчался. Но я боялась расслабляться. В конце концов, это так предсказуемо – прятаться у младшей сестры в комнатке общежития!

В коридоре что-то гулко скрежетнуло. Раздался грохот – кажется, в стену полетел стул. Воздух общежития разрезал рык: «Показывай комнату. Живо!»

Вальку тряхануло, как от мини-землетрясения. Я же, наоборот, застыла. Ровно до той секунды, как в дверь хлопнулся чей-то мощный кулак.

– Открывай!

Осознание стукнуло голову тяжелой гирей. Он тут. Джад тут! Все-таки прилетел за своей семьей. И теперь ломится в мою крошечную спальню, как злобный волк – в соломенный домик глупого Ниф-Нифа.

Бах!

Бах! Бах! Бах!

Дверь готова была разлететься в щепки. Сердце судорожно сжалось до размера сушеного инжира. Процессы в организме будто затормозились. Время и пространство плыло. Сейчас он войдет, и... И дальше мозг отказывался рисовать грядущую картину. Ему просто нельзя входить. Нельзя!

– Валентина! – рычало хриплое из-за двери. – Я забираю тебя!

Белокурые кудряшки нервно вздрогнули, Валькина голова вжалась в шею.

– Пусть он уйдет, господи, пусть он уйдет! – сестра забилась в угол, губы задрожали, слезы покатались по щекам. Ваня жался к ней перепуганным котенком.

Мне и самой было страшно. Я видела Джада лишь раз, на их свадьбе. Валька уже была с пупом. Тогда казалось, что она вышла замуж удачно. Лилька, моя лучшая подруга, задыхалась от зависти, изнывая от летней жары на речной прогулке. Такой идеальной парой они выглядели.

Если бы меня попросили представить мужчину, за которым, как за каменной стеной, то перед глазами сразу бы всплыл Джад. Он был очень... большим и надежным. Спокойным, уверенным в себе. То ли Валька сделала из него за три года неврастеника, то ли в нем всегда была эта червоточина. Потому что сейчас к нам ломился псих.

– Если я не пойду с ним, он просто заберет Ваню. А я... Я так боюсь! – прохрипела сестра еле слышно, и я присела к ней рядом.

Дверь почти срывалась с петель, грохот стоял на все общежитие. Но никто не спешил нам помочь. Черт, да я бы и сама сидела смиренной мышкой под печкой, завидев издали этот шкаф с антресолями.

– Нет-нет-нет! – причитала сестра, хватая меня за руки, будто я могла что-то сделать.

Но что? Черного пояса я не имела, а защищаться холодным чайником – сомнительная перспектива. Звонить в полицию было поздно.

Еще пара ударов – и дверь сорвалась с петель, проявляя в проеме жуткую фигуру, подавляющую своей физической мощью. Я поежилась, некстати представив миниатюрную сестру под этим хтоническим чудищем. Он чем-то напоминал викинга – русоволосый, с небольшой бородкой, мужественной челюстью и складкой между бровей.

– Вставай и пошли, – вдруг спокойно заявил Джад. – Я намерен забрать свою женщину домой.

– Не трогай ее, ты... – сипло проблеяла я, поднимаясь и влезая на свой страх между официальными мужем и женой.

– Отвали, Олеся. Я пришел за супругой и сыном. Моему наследнику не место в этой конуре.

Я замерла в легком шоке. Он помнит мое имя? Почему-то от этого стало страшно вдвойне. Но я набралась смелости.

– Если ты еще хоть раз поднимешь на нее руку...

– Не пори чушь, девчонка, – Джад хрипел с явным акцентом. – Я ни разу не сделал ей больно. Хотя этой дурехе бы было полезно. Может, мозги бы встали на нужное место. Валентина, Иван, – мы уходим. Дома поговорим.

Ваня дернулся, собираясь послушно пойти к отцу, а Валя жалобно заскулила. Неужели все закончится так? Он просто заберет их в Лондон, и в жизни сестры ничего не изменится?

По щекам потекли горячие слезы. Как же несправедливо! Почему в мире все решается силой и деньгами? В такие моменты особенно ярко ощущаешь, какой ты на самом деле малень-

кий, беззащитный, ни на что не способный муравей под огромным башмаком власть имущих. Вайлд такую, как я, растопчет и не заметит.

Когда казалось, что выход из сложившейся пантомимы только один, в пустом дверном проеме возник мужчина.

– Что у вас тут происходит? – проговорил он лениво, без капли напряжения в голосе, опираясь плечом о косяк.

– Вы?.. – я совершенно опешила.

Даррел Дрейк, гость из Вашингтона! Что он забыл в нашем общежитии? Более детально знакомился со студентками? Изучал техники плетения макраме?

– Проходи мимо, если не хочешь стать Джоном Доу, – фыркнул на него Джад, не удостоив взглядом.

– Олеся? У тебя разногласия с этим... джентльменом? – внезапно вспомнив про уважительное обращение, поинтересовался Дрейк.

– Да... То есть, нет. Никаких проблем, – я нервно сглотнула. – Идите, пожалуйста.

Не знаю, почему не стала просить о помощи. Может, потому, что Дрейк был хоть и статным, высоким мужчиной, но все равно не таким крупным, как Валькин муж. Джад размажет его по стене и не заметит. Тут нужно как минимум три таких Дрейка. А лучше пять.

– А если не пойду? – он надменно приподнял бровь.

Джад нахмурился и повернул к нему мощный корпус.

– В таком случае мы немного потанцуем.

Валькин муж неспешно двинулся к выходу, напоминая повадками льва. Благодаря внушительным размерам он чувствовал себя царем зверей в моей крошечной спальне. И вполне заслуженно.

– Не думал, что ты вальсируешь, Вайлд. Но можем попытаться, – Дрейк прямо посмотрел в глаза «викингу», и тот ненадолго замер. Что-то во взгляде профессора ему не понравилось. Атмосфера вмиг заискрилась напряжением.

– Да... – спустя полминуты согласился Джад. – Можем попытаться. Не при сыне.

Дрейк отступил спиной в коридор. Валькин муж вышел за ним. Ведомая странным импульсом, я пихнула Ваню в руки сестре и выскочила следом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как дальше по коридору мощь схлестнулась с мощью. Они налетели друг на друга, как две гигантские ледяные глыбы в океане. Просто какое-то безумие!

Это действительно напоминало танец. Жуткий, но впечатляющий. Удар, еще удар... Джад отлетел к стене, но быстро вернулся на исходную и рывком отпихнул Дрейка в мою сторону.

Вашингтонец пролетел мимо, за ним тяжелой походкой прошел викинг. Снова глухой грохот – Джад спиной пробил трещину в чьей-то приоткрывшейся двери. Из комнаты соседок послышался визг. Желających посмотреть поединок не обнаружилось.

Они друг друга стоили. Я заворожено смотрела, как натягивается белоснежный слим-фит на порывисто дышащей груди. Как облегает тонкая ткань напряженные мышцы на руках. Не надо никаких пятерых Дрейков, и даже трех... Хватит и одного.

Зубы уже отбивали чечетку. Это происходит на самом деле? Они дерутся из-за меня? Эти два хищника?

Я одернула себя. Причем тут я? Они схватились из-за Вальки и ее сына. И все равно казалось странным, невероятным... Неужели хам из Вашингтона не так отвратителен, и человеческие ценности ему не чужды? Сейчас он виделся мне с другой стороны. Любой бы на его месте, увидев масштабы личности Джада Вайлда, потрусил бы мимо развороченного дверного проема.

Какое ему, казалось бы, дело до малознакомых перепуганных девиц? Вряд ли он преследует какой-то интерес. Или все же?.. Некстати вспомнился его взгляд через всю аудиторию, направленный четко на меня, и тихое, но одновременно звучное: «Ласкина».

Да нет, не может быть!

Дрейк в обнимку с Джадом снова пролетели мимо и впечатались в выставленный кем-то в коридор книжный стеллаж. Послышался неприятный хруст. Господи, пусть этот будут просто полки, а не чьи-то кости!

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что хищники расцепились и покинули кучу обломков. А я каким-то образом оказалась между ними. Тонкая преграда, которую можно сломать так же легко, как книжную полочку.

Я испуганно пискнула, и Дрейк, мгновенно сориентировавшись, рванул меня за локоть в сторону. Почти тут же в том месте, где стояла я, рубанул кулак Джада. Это было близко. Невероятно близко. Я задохнулась от ужаса. Сердце норовило выскочить из груди. В полете я все-таки приложила о дверной косяк бровью. Но это такая мелочь в сравнении с тем, что могло... Действительно ведь, могло.

Дрейк оттеснил Валькиного мужа дальше в коридор и нанес несколько быстрых, точных ударов. Пока Джад, притулившись к стене, приходил в себя, вашингтонский профессор вернулся ко мне и втащил обратно в комнату. Ощупал лицо, провел рукой по брови. Зачем-то попробовал мою кровь на вкус, слизнув с подушечки пальца. И порывисто выдохнул.

– Олеся. Ты должна решить. Сейчас.

Голос его был хриплым и запыхавшимся. Но ни царапин, ни синяков – это я поняла при беглом осмотре. Глаза невольно изучали его лицо – подбородок, сейчас казавшийся мужественным, графичный рисунок скул, недельную щетину, грубовато очерченные губы. И пронизывающий рентгеном зеленый взгляд.

– Что... решить...?

Я растерянно помотала головой, пытаясь найти глазами Вальку с сыном. Они сидели под столом, зажавшись в угол. Сестра закрывала мальчику глаза. В моем горле вырос объемный ком, состоящий из ужаса, слез и ежиных колючек.

– Ты хочешь, чтобы он ушел? Джад Вайлд? Чтобы оставил твою сестру и племянника в покое и больше никогда не появлялся на этом пороге?

До меня вдруг дошло, что он говорит на чистейшем русском. Без акцента даже. Что за чертовщина? Ведь тест на английском был!

– Что? Да... то есть... конечно, хочу, – прошмыгала я, размазывая по щекам тушь.

– Я могу помочь.

– Можете? – я недоверчиво нырнула в зеленые глаза.

Они всем видом уверяли, что да, он способен заставить страшного человека, выломавшего дверь, исчезнуть из моей жизни.

– Я все могу, Олеся, – подтвердил Дрейк пугающие выводы. – Но тебе нужно попросить меня об этом.

До чего же странный тип. Невозможный просто. В такой момент затевает какие-то идиотские игры.

Джад, судя по негодующему рыку, пришел в себя. Он снова показался на пустовавшем пороге, заслонив собой весь дверной проем. Валька жалобно завывала и прижала ошарашенного сына к себе еще крепче.

– Я... прошу, – судорожно закивала, возвращаясь к колдовским глазам. – Помогите, пожалуйста. Я очень прошу!

Дрейк внимательно посмотрел на меня, заглядывая, казалось, в самую душу. А потом вдруг поцеловал. Грубо, нетерпеливо смял губы и решительно вторгся языком на запретную территорию.

У него был непривычный вкус. Солёный, морской, насыщенный... Истинно мужской. Чужой! Я возмущенно замычала, и он резко оторвался.

– Не забывай, Олеся. Ты попросила сама.

Что-то опасное мелькнуло в его остром, подернутом черной дымкой взгляде. Я нервно кивнула, и он бросился на Джада, переводя драку в коридор. А через пару минут грохот послышался уже на улице.

Меня било дрожью. Дурное предчувствие точило, отравляло изнутри. Обхватив себя за плечи, я сверлила невидящим взглядом темноту за окном. Свет фонарей, отражающийся от зеленых мусорных контейнеров. Заснеженные крыши машин на парковке соседнего дома. Пустую детскую площадку через дорогу.

Почему-то смотреть на сжавшуюся под столом в комок сестру не хотелось. С ней все будет в порядке – теперь я знала это точно. Мне пообещал странный мужик из Вашингтона.

Мучительные двадцать минут я стояла спиной к коридору и ждала скрипа открывающейся двери. Дурочка. Ее же выломали с корнем! А я успела забыть. Поэтому я едва не подпрыгнула, услышав прямо за спиной хриплое: «Что ж, Олеся...».

Он вернулся один. Как и обещал. Целый, невредимый и чем-то будто даже удовлетворенный. Только прямой, цепкий взгляд светился усталостью, без привычных искр и червоточинки.

– Поговорим об оплате? – спокойно бросил Дрейк, ничуть не стесняясь свидетелей.

Правда, сомневаюсь, что Валька сейчас что-то замечала.

– О чем? – обреченно пролепетала в ответ.

Я не удивилась, нет. Как будто еще с его выхода в коридор ждала этого разговора.

– Ты молила о помощи. Я помог. Думаю, я заслужил небольшую награду.

– Что вы хотите? – сдавленно прошептала я, с неприязнью, пусть и поутихшей в стрессовый момент, поглядывая на странного типа. Почему-то теперь он пугал меня больше, чем Валькин муж.

– Это мы обсудим позже. Сейчас ты попросаешься с сестрой, успокоишь ее и скажешь, что пойдешь со мной. Я буду ждать тебя внизу. Черный седан. Не советую испытывать мое терпение, Олеся. Мое время очень дорого.

...Я заторможенно села к нему в машину. Обычный, современный, отполированный до блеска черный седан, марки я не заметила. Дверь он мне не открыл: просто сидел за рулем и ждал, будто не сомневаясь, что я покорно залезу внутрь. И я залезла. Потому что не понимала уже ничего и тряслась от страха.

Валькин муж будто сквозь землю провалился. Что сделал с ним профессор из Вашингтона? Как убедил не возвращаться за женой и сыном? Может, у него и оружие есть. Да даже если и нет... Я видела, как летал «викинг» от стены к стене. Это временно отбивало охоту перечить. Чувство самосохранения кричало, что для меня безопаснее не спорить с этим типом. А просто залезть к нему в машину и выслушать требования.

Он сунул ключ в зажигание, двигатель тихо заурчал, и мы молча тронулись с места. Я сидела на переднем пассажирском кресле так прямо и напряженно, будто проглотила железный прут.

– Пристегнись, Олеся, – не глядя на меня бросил Дрейк и выкрутил руль, выезжая на оживленное шоссе. Мы все дальше удалялись от общежития. Ехали, к счастью, не в лес, а в центр.

– Куда мы? – сипло прошелестела я, буравя глазами лобовое стекло.

– Ко мне.

Желание расспрашивать дальше у меня резко пропало. Во что я вляпалась? Господи, я ведь действительно попросила его об услуге. А вдруг он какой-то криминальный авторитет? Работает на «крестного отца»? Как в их кругах отдаются долги?

Плавая в тумане пугающих мыслей я не заметила, как мы припарковались у свеженькой высотки в престижном районе. Дрейк заглушил двигатель, вышел и направился ко входу в здание. Мне полагалось бежать следом.

Улыбчивый консьерж, подобострастно восклицающий: «Мистер Дрейк, рад видеть! Приятного вечера!». Лифт, издающий «Дзыннь». Мое бледное лицо с огромными перепуганными серыми глазами, отражающееся от зеркальной поверхности. Очередное «Дзыннь», сухое «Нам туда», ковер, смягчающий ровный стук шагов Даррела Дрейка... ведущего меня за собой в его квартиру на четырнадцатом этаже.

Я запомнила, потому что эта цифра въелась в мою память вместе с оглушительным «Дзыннь».

– Перейдем сразу к делу, – Дрейк сунул мне в руку стакан с ледяной водой. – Поскольку твоя душа теперь официально принадлежит мне...

– Чего?! – я поперхнулась, потому что успела сделать глоток. – Вы в своем уме? Какая душа?

Я будто отмерла – впервые за всю поездку. Какая, к чертям, душа?

– Пришла в себя? Прекрасно. Я уж волноваться начал. В первые часы при передаче души в чужое владение могут возникать странные ощущения. Апатия, покорность, шок... Ты быстро справилась, молодец, – похвалил непонятно за что Дрейк. – Твоя душа, Олеся, чья же еще. Ты мне ее продала.

Я испуганно попятилась и уткнулась лопатками в запертую дверь. Он попросту сумасшедший. По профессору из Вашингтона плачет психушка.

– Давай сэкономим время, Олеся. Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, он подошел и обхватил мое запястье, зажав место «пульса» большим пальцем. От точки, которой он коснулся, побежали странные золотистые дорожки. Будто хитросплетенные венки засветились под кожей божественным огнем.

– Это твоя душа отзывается на зов владельца. Теперь ее хозяин я, ты – просто сосуд. Так будет, пока я не верну тебе ее обратно. Контракт на месяц меня устроит.

Глаза Дрейка полыхнули тем же золотом, что венки под моей кожей. Какого черта?! То есть... Именно черта, ведь так? Он не криминальный авторитет. Он самый настоящий...

– Демон Ада. Да, Олеся, очень верные размышления.

Меня накрыла истерика. Тоже самая настоящая. Хотелось судорожно глотать воздух, кататься по мягкому коврику, поджав ноги в коленях, и нестерпимо громко хохотать.

Я попросила о помощи черта.

Я. Попросила. О помощи. Черта!

Офонареть. Лил права, я «тридцать три несчастья». Почему-то я сразу поверила, что это никакие не спецэффекты.

А рога у него имеются? А хвостик? Ужасно захотелось это проверить. Нервное, конечно. Истерика у меня. Демон в моем университете! Ну и жуть.

– Выразаться не обязательно. Рогами не обзавелся... Что до хвостика, Олеся, – может, и покажу. Посмотрим на твое поведение.

Гад! Самодовольный, высокомерный гад! Не симпатичный даже. И глаза цвета скисшего болота. И прическа отвратная...

– Олеся, ты специально думаешь про меня гадости? Детский сад какой-то! – буркнул черт безрогий, отвернулся – обиженно? – и пошел в гостиную.

В квартире было стерильно и совсем не уютно. Ее обставлял стилист с тем, чтобы будущие владельцы добавили в нейтральную серо-бежевую гамму ярких акцентов и домашних деталей. Но, видимо, у нынешнего хозяина представления о комфорте были специфические, и он не стал воплощать их в жизнь. Мне представились пышущие жаром сковородки, кипящие котлы...

– Прекращай. Или я немедленно займусь твоим просвещением.

Прозвучало опасно, и я приостановила поток нервно-истеричного сарказма в своих мыслях.

– Я поясню тебе все только один раз, так что слушай внимательно, – сдержанно сказал Дрейк и кивнул на кресло, предлагая мне его занять.

Глава 3

Величественным монолитом Дрейк стоял посреди просторной гостиной, настолько же пустой, насколько и моя обессточенная голова. Умные мысли в ней не задерживались, прогоняемые бессмысленным: «Как же так, как же так, как же, черт возьми, так?!»

– Ты попросила об услуге Демона Ада, – выдал, наконец, после минутного молчания этот... черт. – Желая этого всем сердцем и всей душой. Поделилась со мной своей кровью и наградила поцелуем. Это древний способ заключать контракты, но все еще законный.

– Вы разве не должны были предупредить о продаже души? – неуверенно пробормотала я, лихорадочно пытаюсь вспомнить все, что происходило в общежитии. Я была в таком состоянии, что могла и не расслышать условий сделки. Или не могла, и никаких условий он не выдвинул?

Дрейк сощурился. Наклонил голову. Скривил губы в едва заметной ухмылке. Не было никаких условий... Да он развел меня, как пятиклассницу! Воспользовался стрессом, выбил из меня слезливую мольбу, украл кровь и поцелуй... А может, с самого начала подстроил эту ситуацию? Уж больно вовремя оказался в общежитии!

– Это был обман! – пылко заявила я, скрестив руки на груди.

– Свою часть сделки я выполнил честно, Олеся. Джэд Вайлд навсегда исчез из твоей жизни. Он никогда не появится на пороге твоей спальни, – Дрейк расслабленно упал в кресло напротив. – А теперь поговорим об оплате моих трудов. Как я и говорил, мне нужна ассистентка. Помощница в бытовых вопросах.

– В бытовых? – заторможенно переспросила я.

– Я весьма требователен к чистоте и чту традиции. А ты отлично смотришься на коленях. Я уже говорил, что удовлетворявшая моим запросам помощница внезапно канула в Лету?

Я скосила глаза на ковер. Пушистый. Мягкий. Пожалуй, единственная уютная деталь в квартире. Что там Милана говорила про пол в кабинете Веденеева и мои колени?

– Брось, Олеся. Я пока еще себя уважаю, чтобы принуждать кого-либо со мной спать. Обычно девушки делают это добровольно. Я называю вещи своими именами. Помощница – это помощница.

То есть никакого интима, только бизнес? Бытовой такой. Пылесобирательный.

– Никакого, предусмотренного контрактом.

Интересная поправочка... Этот черт что же, думает, что между нами может случиться что-то, договором не предусмотренное? У меня – вот с ним? С безрогим, но хвостатым? Увольте! Да он даже не в моем вкусе... Наверное. А даже если и в моем...

– Давай ты подумаешь об этом позже?

– Вы всегда будете читать мои мысли?

– Упаси боже! – картинно закатил глаза к небу Демон Ада. – Просто при заключении контракта я настраиваюсь на волну «клиента», чтобы лучше понимать его желания. Завтра эффект пройдет, и думай все, что хочешь. А сейчас... не проверяй на прочность мое терпение.

Он встал, вышел в смежную комнату и через минуту вернулся с бумагой. Обычной самой. Распечатанной на принтере.

– Вот. Подпиши. Твой контракт. В нем прописаны условия возвращения души и услуги, которые ты мне будешь оказывать в течение месяца.

Я бегло изучила документ. Ну да... Судя по контракту, ему действительно просто нужна уборщица. Никаких угрожающих жизни, здоровью и безопасности приказов. Никакого принуждения к интиму. Исключительно поддержание порядка и чистоты, варка кофе, готовка завтраков, мелкие поручения – передать, принести... Смушал только один пункт.

– «Отказ выполнить приказ карается увеличением срока службы вдвое»?! Это как? – от переизбытка эмоций я вскочила с кресла.

– Ровно так, как написано. Откажешься выполнить любую из моих просьб – законных, предусмотренных контрактом, – будешь вместо месяца работать два. Откажешься выполнить вторую – четыре. Третью...

– Восемь?!

– Мне не нужна строптивая ассистентка, которая воротит нос от крошек на полу. Приказ есть приказ. Подписывай, если тебе нужна твоя душа. Если нет – я ей и сам могу найти применение...

Бровь саднила, и эта монотонная зудящая боль затмевала собой и ноющие до сих пор колени, и прочие воспоминания об ужасном дне. Стоило прикрыть глаза, я видела кулак Джада. Огромный, каменный, размером и тяжестью сравнимый с древним чугунным утюгом. Он теперь что, в кошмарах мне являться будет?

Я сглотнула: все же обошлось, да? Ну, в некотором роде.

Дрейк снова куда-то вышел, на этот раз, кажется, на кухню. В моих пальцах до сих пор был зажат контракт. Как один невзрачный лист формата А4 может настолько поменять жизнь человека?

– Вот. Приложи пока к лицу, Олеся. Надо снять отек, – сухо бросил возвышающийся надо мной демон Ада. Так ведь он себя назвал? Скромненько и со вкусом.

Он протягивал мне пакет с какой-то овощной заморозкой, обернутый в кухонное полотенце. Машинально прилепив холодный сверток к левой половине лица, я снова всмотрелась в контракт. Если меня чему и научил отцовский опыт, так это внимательно изучать все, написанное мелким шрифтом. На удивление, в договоре все буквы были одинакового размера, и даже лупа не понадобилась.

– Я правильно поняла: я месяц прибираюсь у вас в квартире, жарю по утрам яичницу с беконом, мою окна, готовлю сэндвичи для перекусов между лекциями... – я хмыкнула, подумав, что этим всем, пожалуй, занимается какая-нибудь идеальная американская жена-домохозяйка. – Что там еще? Перестилаю постель, стираю... Глажу эти ваши слим-фиты... – глаза невольно проехали по ткани, обтягивающей рельеф чертового (или чертовского?) плеча. – А потом вы возвращаете мою душу на место, все так?

– Она и так на месте. Но, в целом, ты верно уловила суть. Через месяц я верну тебе право ей распоряжаться. Надеюсь, к тому времени моя пропавшая помощница найдется.

– И ничего «такого»? – я нервно переступила с ноги на ногу.

– «Такого» – только если сама попросишь, – спокойно проконсультировал мой будущий босс и даже бровью не повел.

– Мечтайте! – возмущенно фыркнула я и, растратив последний запал, почувствовала опустошение.

Я вяло опустилась в кресло. Этот день прокрутил меня в мясорубке и старательно выжал из фарша сок, оставив сухой жмых. Он убил внутри последние силы сопротивляться. Не было энергии даже удивляться, не то что спорить и что-то аргументировать.

С самого утра казалось, что хуже быть не может, но Этот День не переставал меня удивлять. И вот, венцом всему, я сижу напротив Демона Ада и держу в руках бумажку, подписав которую я добровольно заключу себя в воображаемые кандалы. Сколько раз за месяц он поставит меня на колени и заставит чувствовать себя рабыней? А какие у меня варианты?

В этом пугающем тоннеле едва брезжил лучик надежды. Далеко-далеко, неуловимо. И никаких табличек с надписью «Запасной выход» не предвиделось. Я справлюсь. Перетерплю этот месяц и верну свою душу, которую так неосторожно выменяла на услугу.

В конце концов, если бы не Дрейк, Валька уже летела бы с Ваней в Лондон. А так у них появился шанс на нормальную жизнь. И, если черт из вашингтонской табакерки не врет, Джад

Вайлд больше не появится в моем общежитии, оставив своей жене право выбирать. Месяц драить полы за счастье сестры и племянника? Ладно, это не самая высокая цена.

– Кровью? – хрипло уточнила я.

– Любой телесной жидкостью.

Я растерялась и, кажется, покраснелась.

– Можешь просто облизать палец и приложить к листу, – снисходительно пояснил чертов демон.

Господи, ну я и идиотка. Я провела подушечкой пальца по губам, чуть погрузив ее в рот. Дрейк не отрываясь следил за мной, из-за чего вся эта процедура выглядела интимной и какой-то... волнительной. Оставила отпечаток на листе, и тот вспыхнул золотом, впитываясь в бумагу.

Сомнений быть не могло. Я только что заключила контракт с парнем из Ада.

Дрейк забрал у меня подписанный контракт, и опустевшая рука безвольно упала на разбитые колени. Я тихонько охнула. Теперь мне нужна новая мантра. «Последний курс» больше не работает. «Один месяц, всего один месяц» – как-то так. Страшно даже подумать, чем мне все это грозит.

– Теперь ты живешь здесь.

– Чего?! – я снова вскочила с кресла, да так резво, что оно качнулось. – С вами? В одной квартире?

– Я тебя пугаю? – му-у-у... жик приподнял бровь будто-то бы в удивлении.

Так себе актерская игра. На три с плюсом.

– Да не то слово! – я взмахнула руками, пытаюсь жестом объяснить, насколько сильно этот тип приводит меня в ужас.

– Мне нравится твоя честность. Это правильная стратегия, Олеся. Ложь я не приемлю.

– Сказал черт, обманом вынудивший меня продать душу! – кресло снова покладисто скрипнуло, принимая меня обратно в свою уютную мягкость.

– «Сдать в аренду». Вынужденная мера. Поверь, я и сам не рад, – он потер бровь и слегка улыбнулся. На дне зеленых глаз мелькнула насмешка. Врун. Гад. Хам! – Будешь приходить ко мне в квартиру после занятий. Ночевать тоже будешь тут, как я уже и сказал.

– Но... зачем? В контракте не было ничего о...

– О?

– О ночевках. С вами, – выдавила тихонько и внимательнее огляделась.

Бесстыдно просторная гостиная, коридор на кухню, ванная... и всего две двери. Одна ведет в кабинет, это я уже выяснила. Значит, вторая в спальню. Единственную. Здесь нет гостевой.

– Сейчас я руковожу сложным проектом. Крайне для меня важным. Я часто работаю по ночам, и мне бывает нужен... «допинг», – скованно пояснил демон.

– Кофе и сэндвичи? – с надеждой спросила я.

– И это в том числе. Но не только. Со временем ты все поймешь, – он глухо кашлянул в кулак, и у меня по пояснице проскакал полк мурашек. – Просыпаюсь я до рассвета, и... Словом, в твоих интересах быть уже здесь. Если ты, конечно, планируешь хоть иногда спать сама.

Он развел руками, словно интересуясь, планирую ли. Я робко кивнула. Сон я люблю, умею, практикую.

– До учебы ты обязана успеть прибраться. Тут должно быть чисто. Всегда, – он строго сдвинул брови. – Никаких крошек и следов от чашек. Ненавижу.

– Вам бы в ангелы податься... – не удержалась от шпильки. – Там, говорят, чистота.

– Врут. Там так же, как и везде, – Дрейк пожал плечами, словно действительно знал, о чем говорил. – Начнешь сейчас. Уборщицы нет уже третий день. И эта пыль взрывает мне мозг. Тряпки и таз найдешь в ванной.

Вот и все. Мое бытовое рабство началось. Но, ей богу, оно было какое-то странное. У меня украли душу, чтобы заставить стереть пыль. Где такое видано?

– Взяли. В аренду, – сквозь зубы поправил черт, так и не переставший копаться в моих мозгах.

Небольшой белый тазик и кислотно-салатовая тряпка нашлись в тумбе под раковиной. Может, и неплохо сейчас отвлечься на рутинные действия. Против чистоты я ничего не имела, а в квартире, действительно, скопилась пыль.

Я развела в тазу средство для деревянных полов, смочила тряпку, вышла с ней в коридор и глянула на свои колени. Они были уже на такие зеленые, но все еще ободранные. И болели. Медленно опустила на них, стараясь сильно не надавливать. Ох, черт! По щеке стекла непрощенная слеза, нос защипало. Да, день сегодня невероятно отвратителен. Начался на коленях и закончится так же.

– Стой, – фыркнул Дрейк, накрывший меня своей тенью.

Он нагнулся, схватил меня под локти и поднял с пола. Я ошарашенно ойкнула, потому что ноги оторвались от паркета, и я взмыла в воздух. А затем пятой точкой приземлилась на комод. И снова – ой!

Сердце отбивало чечетку. До пола теперь было больше метра. Я замерла перепуганным зайцем и во все глаза смотрела на черта. Что он задумал?

Дрейк приблизился и уперся кожаными ремнями в мои судорожно сведенные колени. Погладил шершавой ладонью щеку, не отрывая от меня пронзительный зеленый взгляд. Под его пальцами заискрило. Я качнулась, на секунду утратив контроль над мышцами. Черт придержал меня за плечо, не стирая насмешки с лица.

– Та чашка с мышонком очень тебе подходит. Разрешаю принести сюда, – прошептал мужчина и положил две ладони на мои ноги. Я затаила дыхание и нервно сглотнула.

Коленки лизнуло теплом, которое почти сразу растворилось где-то под кожей. Сердце гулко отбивало секунды: одна, две, три, четыре... Выдох! Он убрал руки и отстранился. Вид черт имел довольный. Будто вовсе не щупал меня, где не положено, а доброе дело делал!

Тыльной стороной ладони Дрейк смахнул прядь, нависшую над моей многострадальной бровью. Кожу снова мазнуло теплом, которое быстро сменилось прохладой. Что он вообще творит? Почему так нагло трогает, будто имеет на это право?

Я уже хотела возмутиться, как взгляд упал на колени. Дыры на колготках зияли там же, где прежде. Но ссадин и синяков не было. Чистая, светлая кожа. Ровно такая, какой она была до эпического утреннего падения на лед.

Мне и за эту «божественную милость» придется заплатить? Чем на этот раз? Почкой?

– Не придется, Олеся. Выдохни. Ну, чего сидишь? – строго выдал Дрейк, без церемоний стаскивая меня с комода. – За уборку!

– На выходных ты здесь круглосуточно, – прохрипел Дрейк откуда-то из-за спины. Из чего я сделала вывод, что коридор он не покидал ни на секунду.

Все это время я стирала с паркета невидимую, одного его беспокоившую пыль. На самом деле, я не питала иллюзий, что вашингтонский черт из вежливости и такта (три «ха-ха») сжалится надо мной. Что не будет делать и без того неловкую ситуацию еще более неловкой.

Не питала, да. Потому что последние полчаса я пятой точкой ощущала жгучий зеленый взгляд. Не метафорически, а вполне конкретно. Он будто поглаживал, щекотал... Словом, мне хотелось заползти под какое-нибудь кресло и спрятаться там застенчивой мышкой. Вот же... гад!

И про выходные он намекнул не зря. Завтра суббота, стало быть, мы с ним заперты под одной крышей на 48 часов.

– Захочешь уйти – отпросишься, – бросил хриплое в мой затылок. Или куда он там смотрел. Вот туда и бросил. – Спать будешь на диване в гостиной. Комната у меня одна, а постель я делить не привык.

Я зависла над очередной паркетинной и облегченно выдохнула. Ну и слава богу, что не привык! Я, между прочим, тоже. Вообще ни разу ни с кем не ночевала.

«И не стремлюсь!» – погромче проорала в мыслях, в надежде, что его телепатический локатор все еще настроен на мою голову так же, как глаза – на совсем другое место. Боги, да он мне скоро дыру на юбке прожжет. Или она сама сгорит. Со стыда.

– Я услышал, – хмуро признал Дрейк и зашагал в гостиную. – Сегодня коридором можешь ограничиться. Это был тест-драйв.

Офонареть. Почувствуй себя электрошваброй. «Три года гарантии, тест-драйв бесплатно!»

– Ложись спать, Олеся. В шкафу должен быть плед...

Дрейк ушел в единственную спальню и плотно прикрыл за собой дверь, намекая, что диван и стопочка нерадужных мыслей в моем полном распоряжении.

Я распрямилась и машинально направилась в ванную. Прополоскала тряпку, повесила на горячую трубу. Слила мыльную воду из таза. Умылась. Когда есть план действий, все не так уж и плохо. А что дальше?

Внутри меня царил полный раздрай. Я позволила себе впервые за адский денек снять туфли и босиком пройти по ворсу ковра. Уперлась руками в подоконник и глубоко задумалась.

Я застряла тут на месяц. Вот прямо тут, в этой неудобной гостиной с ровными серыми стенами и бежевым диваном, обтянутым лаконичным хлопком. В совершенно чужой, негостеприимной квартире.

Я. Застряла. Тут. На месяц.

Господи! Это все по-настоящему?!

Накатил паника. Я начала задыхаться. Судорожные вдохи скребли легкие, мне не хватало кислорода. Хотелось царапать горло и пинать все вокруг.

Я обхватила шею ладонями и принялась мягко растирать кожу, старательно фокусируя взгляд на ярких точках в темноте за окном. Надо просто успокоиться, и кислород вернется.

Огоньки манили, звали. Я шла к ним навстречу – не телом и не плененной душой, но хотя бы мыслями.

Вдох, выдох... Я давно научилась справляться с приступами. Со мной такое уже случилось несколько раз в детстве, но астмы врачи не выявили. Списали на нервное. Даже удивительно, что меня накрыло не во время драки в общежитии, а сейчас. Стало быть, та ситуация безвыходной мне не казалось. А теперь накатывало ощущение западни. Крошечного пространства, в которое заперли мою свободную волю, желания, право выбирать.

Что-то сродни клаустрофобии. Мне было невыносимо тесно в этих дорогих апартаментах. В гостиной, превосходящей мою комнатку-плацкарт раз в десять или двенадцать.

Вдох, выдох... Удушье отступило, кислород насытил расправившиеся легкие. Дверь спальни тихонько скрипнула и с мягким щелчком закрылась. Он выходил? Смотрел на меня? Наслаждался триумфом? Радовался, что удалось напугать меня до дрожащих пальцев и панической атаки?

Я. Застряла. Тут. На месяц.

С чертом. В одной табакерке! Правда, к ней прилагался роскошный вид, но этим все прелести и ограничивались.

Напротив места моего заточения сплетением желтых и зеленых огней горела «Москва-Сити», упираясь яркими макушками в черный небосвод. Огромные панорамные окна чертовой квартиры позволяли охватить картину целиком. Правда, даже с четырнадцатого этажа строения казались такими величественными, такими недосягаемыми, словно в них жили сами боги. Где-то там в пентхаусе небоскреба вполне мог располагаться истинный Олимп.

Я медленно набрала в легкие воздух и замерла. «Только месяц». Офис моей мечты тоже был там, где-то в этом гигантском сверкающем муравейнике. «Лингва Юниверс» переехала за реку перед новогодними праздниками. Алексей Николаевич жаловался на бешеную стоимость аренды, но, как выяснилось, его компания вполне могла себе это позволить. Возможно, я сейчас смотрела на окна своей будущей работы.

Правда, пальцы до сих пор ныли от непривычного ручного труда, а от кожи пахло средством для паркета. Все это нещадно возвращало меня к мыслям о работе нынешней.

Что он все-таки имел в виду под ночным «допингом»? Совсем ведь не то, о чем я так некстати подумала? И не удивлюсь, если в этот момент покраснела до кончиков ушей. Да нет... Контракт ведь не подразумевает.

«Такого» – только если сама попросишь» – отдалось густым хрипом в голове. Сложно представить, что должно произойти, чтобы я попросила об этом демона ада.

Да что вообще может быть у черта за важный проект?! И зачем он приехал в мой университет и прикинулся профессором? Думать об этом сейчас не хотелось. Этот день выпил меня. Залпом, до дна, не закусывая. Оставил лишь перепуганную оболочку, которой пора было придать горизонтальное положение.

Как демон и сказал, в шкафу нашелся темно-синий флисовый плед. В остальном же мне предлагалось ночевать в спартанских условиях – ни подушки, ни постельного белья. Но котлов со сковородками поблизости тоже не было, так что грех жаловаться.

А еще... В квартире было тихо. И я неожиданно поняла, что смогу заснуть – даже при всей своей нелюбви к новым местам. Впервые за неделю я глядела в потолок и слушала собственные мысли, а не лязганье шпингалета, с которым играет Ваня, и не причитания Вальки.

Стыдно признавать, но жалобы сестры меня порядком утомили. Приходилось каждый раз напоминать себе, что она, а не я – жертва обстоятельств.

Наверное, останься на ней хоть какие-то ссадины или синяки, мне было бы проще. Но Валька выглядела вполне цветущей, а племянник – живым, всем довольным мальчуганом. Все мое существо противилось жалости и кричало о подвохе, но я никак не могла нащупать разгадку. Понять причину собственного совсем не родственного равнодушия. Нельзя так. Мы же семья.

Спустя пять минут я совершила еще одно неприятное открытие. Диван был отвратительным. Просто пыточный агрегат какой-то, созданный специально для адских мук!

Еще полчаса попыток найти хоть сколько-нибудь удобную позу не привели к успеху. Фыркая и посылая в небо возмущенные мыслеобразы, я сползла на мягкий ковер, укрылась пледом, подложила ладони под щеку... и отключилась.

Глава 4

Меня разбудила тупая боль в шее. Мышцы выражали бурный протест против спонтанной ночевки на полу. Надо в следующий раз озаботиться хотя бы подушкой. Диван показал себя как полностью негодный, так что спать приبلудной дворняжкой на коврике мне предстоит весь месяц.

В свете отданной черту в ломбард души и внезапного бытового рабства это казалось не самой крупной моей неприятностью, так что я даже жалеть себя не стала. После прогнувшейся до пола пружинной кровати в общежитии, которая натужно скрипела при каждом повороте и будила мою соседку, мягкий ковер был не самой плохой альтернативой. Просто нужна подушка или что-то в этом роде.

И еще массаж. Боже, как же хотелось ощутить сейчас на плечах умелые руки с шершавыми пальцами, разгоняющие тепло по коже и ласково разминающие шейные позвонки...

– Свари кофе, Олеся, – раздалось чуть осиплое откуда-то сверху, и я в ужасе подскочила с пола.

Дрейк стоял у окна, за которым серела предрассветная Москва. Уже упакованный в белоснежную рубашку, галстук и темные брюки. На спинке дивана черным пятном лежал пиджак классического кроя. Сегодня Демон Ада выглядел куда официальнее, чем вчера. Я даже на секунду прониклась важностью его проекта.

Я спросонок потеряла отлежанную щеку. И что он там от меня хотел?

– Он хотел кофе, – ответил черт.

Значит, эффект чтения мыслей еще не рассосался. Печально. И неловко. Ведь минутой ранее я думала про массаж, по степени обещанного наслаждения сравнимый с эротическим. Хотя... что я в этом понимаю?

– Я не умею, – пожала плечами и оглядела себя. Моя блузка была мятой. Ей пришлось отрабатывать пижамой.

– Хмм... Все умеют варить кофе, – он повернулся ко мне и недоверчиво склонил голову набок.

– Значит, все, кроме меня. Я не вру.

– Вижу, что не врешь, – Дрейк резко выдохнул. – Это проблема, Олеся.

Умеет он сделать утро «добрым». Зачем все так усложнять? То невидимая пыль ему взрывает мозг, то отсутствие кофе – серьезная, видите ли, проблема.

Сведенные над переносицей брови намекали, что умыться мне не дадут, и я вяло поплелась на кухню. Может, согласится на чай? Или намеренно сварить ему какую-нибудь бурду, чтобы Дрейк понял: помощница из меня так себе и вчерашний тест-драйв был не показателен? Авось и отпустит. В контракте ничего не было о том, какой именно по степени идеальности кофе я должна варить.

Лопатки щекотнуло недобрым взглядом. Пожалуй, не стоит так рисковать, учитывая, что «чертов черт» читает мои мысли.

– Умница. Верное решение.

– Я бы могла научиться, но у вас нет этой... турецкой медной штуковины, – протянула я и, порывшись в верхних ящиках, добавила: – И кофемолки тоже.

Он что, рассчитывал, что я умею вытягивать бодрящий нектар прямо из воздуха? Черт, подвид наивный. Редкий, но все же существующий экземпляр.

– Ладно... Потом решим этот вопрос.

Он тряхнул головой, и темные волосы упали на глаза. Дрейк отбросил их ладонью назад, да так и завис с рукой на голове, жадно всматриваясь в пейзаж за окном. Сквозь московскую унылую серость пробивался яркий рассвет, отражаясь от зеркальных небоскребов и заливая

кухню розово-оранжевыми отблесками. Я тоже зависла: глаза увязли в напрягшейся плечевой мышце, так дерзко обтянутой белой тканью. Офонареть.

– Лучше расскажи, почему ты на полу валялась? – глаза Дрейка променяли респектабельные, лоснящиеся, будто бы от масла, небоскребы на невзрачную меня.

– Диван неудобный, – просипела в ответ, пытаюсь проморгаться. Надо как-то заставить себя отлипнуть. Стыдно так глазеть.

– Диван как диван! – недоуменно фыркнул Дрейк и опустил, наконец, руку, возвращая мне спокойствие. – Держи.

Он достал из заднего кармана джинсов узкий конверт и протянул мне.

– Что это?

– Аванс. Купи себе колготки.

Изумрудный взгляд упал на мои колени. Я тоже невольно опустила глаза. Колготки я вчера стянула и бросила в урну, так что перед нами двумя предстали мои голые ноги. Без ссадин и уже без намеков на бриллиантовую зелень.

– Вы... отпустите меня? – хотелось добавить «на волю». Со вчерашнего вечера не покидало ощущение, что я пленница в этих роскошных апартаментах с видом на «Москва-Сити».

Дрейк пару раз быстро моргнул и перевел взгляд на мое лицо.

– Ты не пленница, Олеся. Ты моя ассистентка. Думал, мы вчера прояснили этот момент, – он прочесал волосы пятерней и указал глазами на конверт. – К тому же, я поручаю тебе одно дело. Там лежит три квитанции. Из химчисток в разных концах города. Надо забрать вещи.

– Вещи?

– Пара рубашек, пиджаки, выходной смокинг... Не помню точно. Их сдавала предыдущая помощница, но, поскольку она бесследно исчезла, возвращать придется тебе.

– Почему в разных концах города?

– Откуда мне знать? Видимо, ей так было удобнее, – он пожал плечами. – Памятуя о твоем «топографическом идиотизме»... Есть шансы, что ты не заблудишься?

Я дернула плечиком и отвернулась к окну. Похоже, мне предстоял тот еще квест. Три химчистки в разных концах Москвы, в районах, где я ни разу не бывала.

Я не первый год жила в столице, но так и не научилась чувствовать себя здесь своей. Тушевалась от шума улиц, от толчеи в метро. Пугалась безобразно больших расстояний, когда приходится два часа качаться в тархтящем вагоне, только чтобы сходить в гости к подруге. До сих пор умудрялась запутаться в перекрестьях разноцветных веток на карте и прозевать нужную станцию.

Так что вопрос черта был резонным. Как пить дать, заблужусь. А потом еще раз, и еще один.

– Вы разве не можете съездить сами? – я кивнула на окно, под которым ориентировочно располагалась парковка с его черным седаном. – Или... ну, не знаю... переместиться?

Сказала и хихикнула. Переместиться! Да я точно фильмов насмотрелась, раз решила, что этот отутюженный американский профессор умеет телепортироваться. Или...?

– Энергию стоит тратить лишь на стоящие вещи, – важно заявил нудный тип. – Для остального мне и нужна ассистентка.

– Подождите... Нет, я серьезно! У вас, у чертей, есть телепорты?

В эйфории от собственной догадки я подскочила к Дрейку, схватила его за белоснежный рукав и развернула к себе. Испугалась, тут же отпустила и разгладила ладошкой примятую ткань. Черт! Я потрогала черта. Зачем, скажите на милость? Мало мне проблем, так еще и едва знакомых мужчин ощупываю.

На ощупь он был, кстати, самым обычным. Теплым, жестким. Вполне человекоподобным. И все-таки, есть ли хвост?

– Олеся! – Дрейк устало закатил глаза.

Согласна. В последние сутки я сама не своя. Как рыбка Дори, у которой проблемы с краткосрочной памятью. Крайне эмоционально неустойчивая рыбка. Перепрыгиваю с одной мысли на другую, то смеюсь, то плачу, то вообще черта шупаю.

Машинально ведь. Руки сами потянулись. Это все его мышцы, их довольно приятно ощущать под пальцами... В конце концов, я же не поясницу его изучала на предмет хвоста!

– Олеся...

– Простите, – виновато выдохнула я. – Мне самой от своих мыслей плохо, верите? Так вы умеете перемещаться? В смысле – вжик! – и вы там. Вжик! – и вы здесь?

– «Вжик», – хмыкнул мужчина, пробуя на вкус словечко. – Да, я могу переместиться. И я не черт.

– Но? – я проигнорировала вторую ремарку. Как же не черт, когда черт самый настоящий? То, что рожек нет, еще не показатель!

– Но не буду. Несколько телепортаций вытянут половину моего восстановившегося резерва.

– Пфф...

Я ничего не поняла, но прозвучало, как не слишком убедительная отмазка.

– В Верхнем мире наши способности сильно ограничены, – снисходительно пояснил Дрейк и отошел к раковине. – На нас действуют другие законы. Во всяком случае, в том виде, в котором...

Он примолк. Плеснул из крана воды в стакан, выпил залпом. Что ж, несколько выводов за сегодня. Черти спят. Черти пьют. И, может быть, даже едят. Интересно, чем они питаются?

– Половина резерва – это ведь не весь... – упиралась я, пытаюсь переспорить демона Ада. Ну, точно, берега попутала.

Будь на мне кроссовки и джинсы, я бы так сильно не сопротивлялась. Это всего лишь химчистки. Но бегать на каблуках по всей Москве...

– Резерв восстанавливается очень долго. Я не могу так рисковать. У меня есть враги, Олеся. Если они почувствуют слабость, набросятся, как стая акул.

А заманчивая, кстати, мысль. Представив Дрейка на секунду героем фильма «Челюсти», я мечтательно заулыбалась.

– О, поверь, со мной ты в большей безопасности, чем была бы с ними! – надменно рассмеялся черт, словно поймал меня на глупости. Он вышел в ванную и вернулся с каким-то серо-белым свертком. – Вот, еще эту отдай.

Дрейк бросил на кухонный стол смятый вчерашний слим-фит. Сейчас, при свете дня и не будучи уже такой взволнованной, я разглядела на рубашке и пятна грязи, и кровь.

У чертей красная? Еще один факт в копилочку «Адской Энциклопедии».

– Она не моя.

Не его. Значит, Джада. Жив ли он? Не могла сказать, что сильно жалела громилу, выломавшего дверь в мою безопасную спальню. Но внутри зрело чувство, что произошла какая-то ошибка. Нелепое недопонимание.

Кровь означает, что дрались они по-настоящему. Меня передернуло, к горлу подкатила тошнота. Это был не спектакль. Не идиотская постановка с целью произвести впечатление на перепуганную меня.

– Разумеется, по-настоящему, – хрипло бросил Дрейк и потер свою шею. На ней был едва заметен след от огромной пятерни.

Джад что, пытался придушить этого черта? Все-таки жаль, что не сильно преуспел.

– Вымой руки, – вырвал меня из мыслей сухой приказ, и я вскинула глаза на Дрейка.

– З-зачем?

– Чтобы были чистыми, Олеся, – плотоядно улыбнулся черт, явно замысливший какую-то пакость. Вот по глазам видела. – Раз уж я по твоей вине остался без рассветного кофе...

Я неуверенно подошла к раковине и сунула руки под воду. Пульс отдавал в виски, во рту пересохло. Что он задумал?

– Хочу преподать тебе небольшой урок, мышонок. Чтобы ты более отчетливо поняла, с кем имеешь дело.

– Это из-за химчисток? Я съезжу, без проблем.

Он отрицательно качнул головой и вытащил из холодильника контейнер с куриными яйцами.

– Не бойся. Я просто покажу тебе один фокус. Соедини руки лодочкой и не разнимай.

Я машинально сделала чашку из ладоней и выставила вперед. И скривилась, догадавшись, что он собирается повернуть. Одно за другим он разбил четыре яйца, выплеснув содержимое на мои пальцы.

– Не пролей, Олеся.

– Перестаньте. Это... гадко.

– Это просто сырые яйца. В контракте был пункт про приготовление завтраков, не так ли?

– Бы-ы-ыл, – протянула я, закусив губу и усердно борясь с собственной брезгливостью.

Терпеть не могу все склизкое. Морских гадов, лягушек, сырую рыбу, яйца... Устрицы бы тоже ненавидела, но пробовать не доводилось. Как он узнал о моей фобии? Точно ведь бил в больную точку!

– Потерпи. Есть такая традиция у некоторых демонических кланов в Нижнем мире. Я, признаться, давно там не был, и немного скучаю по подобным мелочам, – задумчиво пробормотал черт и обхватил мои ладони своими. – Считаю, что я знакомлю тебя с культурой моего рода. Так что не кривись.

Руки окутало непривычное тепло, и я вздрогнула. Слишком уж интимно – стоять вот так посреди кухни с ладонями, зажатыми в чьих-то пальцах. Меня волновали теперь не столько сырые яйца, сколько прикосновения Дрейка.

– К-какая традиция? – силло прошептала я, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Наутро после первой ночи, проведенной под одной крышей с демоном моего рода, канари готовит ему на завтрак мейсо, – в духе лекции завел Дрейк. – Мейсо – это вроде жидкого омлета из яиц Шассы, клановой птицы-покровительницы.

– Кто такая канари? – голос был все еще силлым. На меня совершенно нездоровым образом действовали его прикосновения.

– Молодая жена. Дословно переводится как «вчерашняя невеста».

– Я вам не эта... не канарейка!

– Ты женщина, которая прошлой ночью стала принадлежать мне по закону. Этого вполне достаточно для ритуального мейсо. В конце концов, это просто завтрак, – лукаво подмигнул черт, и мои ладони задрожали, чуть не разбрызгав склизкое содержимое. – Самое интересное дальше... Канари готовит мейсо в своих руках, и только порцию на одного – для своего кана. Господина и мужа.

– В руках? Как в них можно что-то приготовить? – опешила я и вдруг поняла, что мои ладони с тыльной стороны уже пылают. – Ай! Горячо! Прекратите!

– Терпи, Олеся, – спокойно бросил черт и продолжил нагревать мои руки. Их пронизывало щекотными электрическими импульсами, кожу било мелким током.

– Не могу! Хватит! – крикнула ему в лицо.

– Отказываешься?

– Да! То есть... Нет... Я не... – я испуганно уставилась в зеленые глаза. В них светилось ехидство.

Отказываться нельзя. Он продлит контракт еще на месяц.

– Мне больно. Там было... Было что-то... – мысли запутались в поисках зацепки. – Про безопасность здоровью...

– Тебе не больно, Олеся. Тебе жарко, страшно и непонятно. Твоя кожа не горит, успокойся, – размеренно вещал черт. – Это другое тепло, оно рождается только в связке владеющего и принадлежащего. Такой вот забавный фокус. Смотри.

Он кивнул на яйца, которые в моих руках густели, белели и пузырились. Они превратились в омлет. Прямо в сжатых пальцах. Возможно ли это? И кожа моя действительно не обуглилась. Да твою ж чертову бабушку!

– Если представится случай, я вас познакомлю.

– С кем? – ошалело переспросила я.

– С моей бабушкой. К прискорбью, она до сих пор более чем жива и здорова, – хмыкнул черт. – Переложил в тарелку. Аккуратно.

– Вы правда планируете это съесть? – этим фактом я изумилась даже больше, чем тем, что только что пожарила яйца без огня и сковороды.

– Конечно! – недоуменно фыркнул Дрейк. – Это же ритуальное мейсо. От такого в своем уме не отказываются. Оно восстанавливает резерв, а еще – укрепляет мужскую силу.

– Мужскую силу? – я похлопала глазами в поисках ответа на его лице. Бровь черта иронично согнулась, и до меня дошло. Я закашлялась, зарделась и профыркала: – Да ешьте на здоровье! Надеюсь эти ваши... демоницы... будут довольны. Спасибо от них можете не передавать.

Пока черт стоя уплетал мейсо, приготовленное мною в прямом смысле собственноручно, меня терзало смутное сомнение. Я провела пальчиком по грязному пятну на смятой рубашке, лежавшей на столе, и скептически прищурились.

– Вы же сказали, что все можете, – выдала после минутной паузы.

– К чему ты клонишь? – Дрейк отставил тарелку, скрестил руки на груди и оперся спиной о рабочую кухонную поверхность.

– К тому, что вы можете исполнить любое желание.

– Я не джинн, Олеся! – Дрейк фыркнул, но как-то раздраженно. – Демон Ада. Запомни уже. Я делаю подарки, а не исполняю желания.

– Какая разница! Вы помогаете мечтам сбываться. Хоть и берете за это ужасную цену, – я скосила глаза на конверт с авансом и квитанциями. Только сейчас дошло, что внезапная работа предполагает зарплату. – Почему бы вам просто не щелкнуть пальцем и не вернуть свои рубашки из химчисток?

Профессор тяжело вздохнул. Посмотрел, как на нерадивого «почемучку», которому хочется дать ремня, но вместо этого приходится объяснять элементарные вещи.

– Чужим мечтам. Не своим.

– У вас что, чертов кодекс какой-то? Ничего для себя? – благоговейно пролепетала я, глядя в темнеющие зеленые омуты.

– Резерв, Олеся. Он не резиновый.

– А-а-а-а... И-и-и-и?

Да, это мы, кажется, уже проходили. Рыбка Дори в голове снова махнула хвостиком и сделала удивленные глазки.

– И-и-и... Я не могу транжирить его на всякую ерунду. Но в случае контрактов действуют другие законы, – терпеливо, стараясь сильно не морщить лоб и не рычать, пояснил Дрейк. – Сила человеческой души питает нашу магию. И тогда – едва контракт подписан – мы, действительно, можем все. Хоть горы местами переставить.

– Душа? Питает? Магию? – заторможенно переспросила я.

– Демоническая этика предполагает, что энергию душ мы берем лишь немного (она восстанавливается, не смотри на меня такими перепуганными глазами!) и используем лишь на то, что указано в контракте. То есть – на твое желание. Некоторые, правда, не слишком

этичны. Умудряются находить лазейки и использовать силу душ в своих целях, но... я не из таких, Олеся.

Демоническая этика. Хоть стой, хоть падай. Где была его чертова этика, когда он вынудил меня подписать рабский трудовой договор? А когда пялился на мой оттопыренный зад? А когда полез целоваться?

Внутри все перекувыркнулось. Рот заполнился чужим вкусом, а голова – жгучими воспоминаниями. Я резко втянула носом воздух, смущенно отвернулась к окну и потерла ладонями горевшие щеки. Выкинуть! Срочно выкинуть это из своих мыслей!

– Поздно, Олеся. Я уже увидел, так что можешь не дергаться, – тихо рассмеялся чертов профессор, и я стукнулась лбом в стекло.

Как же гадко, когда кто-то копается в твоих мыслях. Интимность нового уровня. Оголенность на грани фола. Ужасно стыдно и неловко.

– Тебе нечего смущаться, мышонок. У тебя довольно забавные мысли, хотя чаще они напоминают не то борщ, не то винегрет... Словом, надолго меня не хватит, расслабься, – хохотнул Дрейк и хлопнул за моей спиной дверцей подвешенного шкафа. – Спрашивай, пока я готов отвечать. Пользуйся подвернувшейся возможностью.

Во рту все еще ощущался его чужой, терпкий вкус. Да что за наваждение! Но именно оно навело меня на странные умозаключения.

– Погодите! Я правильно поняла? Когда вы меня поцеловали, то заключили контракт и получили доступ к энергии моей души? Чтобы творить... Ну, подарки свои отдавать, да?

Дрейк неуверенно кивнул и отвернулся к шкафу.

– Не понимаю, – я тряхнула головой, застелив светлыми прядями половину лба.

– Чего-о-о? – то ли усталый рык, то ли раздраженный стон со стороны шкафа.

– Это было моим желанием. Чтобы вы прогнали Джада.

– Ну-у-у?

– Тогда как он умудрился вас... это... – я уперлась глазами в крепкую загорелую шею, обрамленную белым воротничком. Такого еще попробуй задуши. – Вы же могли горы переставить местами, что вам один Джад!

– Много вопросов, Олеся, – сдержанно буркнул черт. – Иногда все идет не так, как запланировано.

Могу представить. Я вот, к примеру, планировала субботним утром валяться с ноутбуком на кровати и готовить дипломный проект. А вместо этого буду шокировать московское метро своими голыми коленями в январский мороз.

– А когда...

– Ну? Что еще? – Дрейк резко обернулся и сверкнул на меня глазами. Сейчас в них сияло золото. Страшновато. Но и красиво тоже. Солнечные искры на изумрудном фоне.

– Когда колени вылечили, вы тоже подпитались от моей души? – я убрала свесившиеся пряди за ухо и взбила пятерней волосы у затылка. Черт с интересом проследил за моим жестом.

– Какие-то претензии? – Дрейк приподнял бровь, намекая, что свой резерв наглости и надоедливости я уже исчерпала. – У меня было на это официальное разрешение. И я действовал в твоих интересах.

– Да я не в обиде, нет... Но она теперь что, дырявая?

Не то чтобы я всерьез в это верила, но убедиться не мешало. Черт знает, что с душами случается, если из них тянут энергию.

– Просто сияет не так ярко, – зеленый взгляд будто слегка смягчился, золотые искры погасли. – За пару ночей восстановится.

– А она сияет? – почему-то внутри все согрелось восторгом.

– Твоя – да. С вопросами все?

Наспех умывшись несколькими резкими движениями, я вышла в коридор. Рассматривать роскошную ванную намеренно не стала.

Плывать, насколько хороши чертовы апартаменты. Для меня это все равно клетка, хоть золотая, хоть бриллиантовая. Наслаждаться красивой жизнью я в ней не собиралась, потому что тогда получилось бы, что я смирилась и с рабским контрактом, и с временной потерей души. А я – нет. Остатки гордости во мне все же имеются.

Дерганной походкой я вернулась в кухню и забрала потрепанный слим-фит. Не на того парня я вчера делала ставки, не на того...

– Я так понимаю, в химчистки мне ехать все-таки придется, – сухо выдала, стараясь не глядеть на черта, с легкой ухмылкой наблюдавшего за моими нервными движениями.

Эта его насмешливость раздражала. И менторский тон, которым он выдал мне лекцию о демоническом резерве и энергии душ. И мнимая теплота во взгляде, которым он ощупывал мои ключицы, щеки, губы, когда смотрел. И он сам целиком – тоже раздражал до ужаса. До судороги в коленях, до сжатых кулачков.

– А ты всерьез рассчитывала меня переубедить? – бровь Дрейка взметнулась ввысь, разрезав гладкий лоб мимической морщиной. По-настоящему удивился, не напоказ.

– Не так чтобы рассчитывала... – замялась я, снова напомнив себе, с кем умею дело. А потом резко вскинула подбородок и посмотрела прямо в зеленые глаза. – Вы ведь всегда получаете то, чего хотите, так?

– Практически всегда, – хитрый прищур подействовал на меня странно. Внутри все слиплось в тяжелый волнительный комок.

– И меня?

Глаза Дрейка превратились в щелки, ресницы дрогнули, губы чуть изломились в очередной мимолетной ухмылке.

– Ненавижу пыль, – выдал, наконец, черт.

Я закатила глаза. Ничего нового.

– Вы же не могли с самого начала знать, что я попрошу вас о помощи, – воспротивилась я. – Что разобью бровь. Что позволю себя поцеловать.

– Мог.

Дрейк пожал плечами. Я поежилась. Он мог. Что я еще хочу знать об этом черте? И хочу ли?

– Это моя работа. Подбирать ресурс и находить способы его заполучить. И, верь на слово, в Верхнем мире у меня репутация лучшего сборщика.

– Сборщика чего? – я машинально отступила назад, вжимаясь лопатками в стену.

– Ресурса. Это души, Олеса. Я заключаю контракты, – Даррел поймал мой перепуганный взгляд и фыркнул. – Временные. В котлы никого не кидаю. Это не по моей части.

Я удивлена? Пожалуй, нет. Сил не осталось выказывать изумление. Черт заключает контракты и собирает души. Ново ли это? Скорее, классика жанра.

А вот то, что души можно сдавать в аренду, заключая договора на определенный срок, пожалуй, интересно. Какой толк от такого ресурса? Зачем кому-то души во временное пользование? Странная работенка у черта, странная.

– В отличие от некоторых, кхм, вандалов, – он поморщился, словно ему скулы свело от только что съеденного лимона, – я не дергаю все ниточки подряд. Представь себе безумного звоняра, который зажал в кулак все веревки и судорожно машет этим «букетом». Хаос, какофония, кошмар! И никакого толка. Я же всегда точно знаю, за какой хвостик нужно потянуть, чтобы раздалась нужная мне мелодия.

– Пфф! – не удержалась я и сложила руки на груди.

Выражать свое недоверие к его заявленным способностям было рискованно. Играла с огнем, ставила против черта. Но во мне вдруг взыграло незнакомое доселе чувство противления. Раз уж я так конкретно вляпалась, нужно начинать прощупывать границы дозволенного.

Мое надменное «Пфф» его ничуть не задело. Дрейк смотрел снисходительно, словно это я выставила себя глупышкой.

– Я не бью вхолостую, Олеся. Никогда, – вкрадчиво проговорил он, не отводя насмешливых глаз. – Я могу подобрать ключик к любому человеку. Даже очень доброму, правильному и хорошему. На самом деле, с такими даже проще. Всегда можно надавить на чувство вины – вы, люди, просто обожаете в нем консервироваться. На семейные ценности, на склонность к самопожертвованию...

В этот раз мое «Пфф!» раздалось куда громче и злее. Склонность к самопожертвованию? Чувство вины? Это вот он сейчас про меня? Я просто волнуюсь о сестре и племяннике. Любой бы беспокоился, увидь он хоть тень Джада Вайлда издалека.

– Я редко пользуюсь этим талантом в своих личных интересах, но...

– Но вы ненавидите пыль. И утро без кофе для вас проблема, – понимающе хмыкнула я.

Впору пожалеть бедолагу. Столько неприятностей разом на него свалилось! Помощница без вести пропала, пыль копится, мозг несчастного черта взрывается, кофе он сварить себе сам не может... Армагеддон. Катастрофа. Конец света.

Ах, нет, что-то совсем не жалко! Я тихонько прыснула в кулачок, пользуясь тем, что Дрейк снова отвлекся на рассвет. Впитывал его жадно каждой порой на коже. Еще одна странность.

Рыжие всполохи ласково облизывали его точеные загорелые скулы, огненными искрами отражались в зелени глаз, смягчали золотом черную шевелюру... Рассвет был черту к лицу, я засмотрелась.

– Олеся... – хриплые строгие нотки, к которым я неожиданно начала привыкать, вернули меня в действительность.

– Мм?

– Рубашки сами себя не привезут.

– Пфф...

– Нарываешься, Олеся.

О. А вот и границы. Они родимые.

Я моталась по городу почти целый день. К вечеру я ненавидела свои туфли, мечтала оторвать от них каблук и сплавить в какой-нибудь канализационный люк. Ноги налились свинцом и отчаянно гудели. Все мечты сводились к тазику со льдом, ромашковому чаю и массажу стоп. За этот набор я готова была продать душу, да вот незадача – закладывать было нечего.

Я умудрилась заблудиться четырежды, отыскала только две химчистки из трех и теперь, обнимая ворох пакетов и вешалок, тряслась к третьему адресу. Я села в Текстильщиках, сменила ветку в Китай-городе и теперь на всех парах летела по направлению к Бабушкинской. Предыдущая ассистентка черта была той еще затейницей.

И куда она, к слову, запропастилась? Может, мне пора начать волноваться, что у черта помощницы без вести пропадают? Я фыркнула: а то мне мало поводов для беспокойства!

Дрейк сказал, что он слывет лучшим сборщиком в Верхнем мире. Значит, сам он из Нижнего. Видимо, так они называют ад.

Сейчас, покачиваясь под мерное тарыхтение в обнимку с его пиджаками и рубашками, я воображала, что шумное, серое, лязгающее, гулкое, грохочущее метро – и есть Нижний мир. Во всяком случае, я никогда не стремилась сюда попадать без лишней причины. И каждую двухчасовую поездку с тремя пересадками воспринимала как кару небесную.

Но у метро было одно несомненное преимущество. Оно давало уйму времени на размышления. И я активно перекачивала в голове мысли. Вопросов было много, ответов – ни одного.

Что мог делать американский черт в российском университете? Зачем он заделался преподавателем? Какую цель преследуют демоны ада и для чего собирают души? Расспрашивать рабовладельца о таком было неловко. А может, я не готова была знать ответ. Вряд ли он занимается чем-то хорошим.

Пока я добралась до Бабушкинской, зимние сумерки застелили город. Дома укутались в серую дымку, фонари раскрасили снег желтыми пятнами.

Судорожно тыча мерзнущими пальцами в экран телефона, зажав подмышкой пакеты, я шла по стрелочке навигатора. Зеленая дорожка вела меня в какой-то темный проулок между двух многоэтажек. Здесь, в тени домов, даже воздух казался черным. И кто додумался устроить химчистку в таком мрачном месте?

Сначала я увидела дорожку золотых следов, расцветивающих примятый снег. Не шучу. Правда, золотых, еще и светящихся. Будто тут прошла какая-то богиня или... Нет, больше на ум никого не пришло. Как есть, богиня.

– Олеся Владимировна? – окрикнул меня низкий женский голос, от которого все внутри подобралось.

Сердце забило быстро-быстро. Как у мышонка, почувствовавшего за спиной хищника. Захотелось немедленно броситься в норку. Странная реакция. Я порывисто обернулась, чуть не выронив все пакеты.

Метрах в трех, облокотившись плечом о кирпичную стену, стояла высокая женщина. И мы точно с ней не были знакомы. Что такая изысканная мадам, упакованная в серый брючный костюм (и, похоже, совсем не мерзнущая), забыла в обшарпанном переулке?

– Я... Да?

– Я по поводу вашего контракта, – дама оторвалась от здания и кошачьей походкой направилась ко мне. – Считайте меня своим адвокатом. И зовите меня Миндаль.

Глава 5

Я опешила от всего разом. И от слова «контракт», от которого меня прошило нервной дрожью, и от неординарного орехового имечка этой дамы. И поглядывала она на меня как-то странно... Будто хотела попробовать на зуб. Причем даже с закрытым ртом было понятно, что они у нее острые.

– Вы что, ангел? – с сомнением посмотрела на женщину и выдала первое, что пришло в голову.

Потому что моя астраханская бабушка утверждала, что в раю все красиво. И сады, и души, и лица. А эта тетка была очень привлекательной. Наделенной какой-то опасной красотой. Этакая индийская модель. Глянцевые волосы, струящиеся по плечу шоколадным водопадом. Большие карие глаза с восточным разрезом. Кожа цвета кофе с молоком. Внешность мягкая, текучая, теплая, южная. А вот взгляд – жесткий и строгий.

– Ох, да не дай бог! – фыркнула барышня, и все встало на свои места. Нет, не ангел. – Мы – третья сторона. Штаб контроля за божественными правонарушениями.

Офонареть.

– Хотя порой мы привлекаем и ангелов, и демонов в качестве агентов, когда наши интересы совпадают. И даже, как сейчас, людей, – она с намеком приподняла бровь, и сердце снова припустило в бешеной польке.

Меня? Агентом? Куда? Я еще с мытьем полов в элитной новостройке не свыклась!

– У нас есть подозрение, что господин Дрейк водит Штаб контроля за нос. Так же, как и вас, Олеся Владимировна, – миндальная барышня дежурно улыбнулась и по-свойски положила руку мне на плечо. Видимо, я должна была расслабиться, да только сильнее напряглась. – Вы ведь уже догадались, что Дарриэл Дрейк вынудил вас заключить контракт ложью?

Она убрала ладонь в карман и кивнула на кособокий стол с парой облупленных стульев, выставленных у заднего входа в какой-то бар. Над ними висел одинокий тусклый фонарь. Вероятно, сюда персонал выходил подымить и попить растворимый кофе в «тишине» мегаполиса.

– Давайте присядем и потолкуем? – предложила Миндаль и, брезгливо швырнув газетку со стола на сидение, примостилась бедрами на самый край.

– Разве ложь – не главное оружие демонов ада? – я скептически пожала плечом и бухнулась напротив, сбросив пакеты рядом, скрестив руки на груди и откинувшись всем весом на спинку стула. Старое дерево натужно скрипнуло.

– Отнюдь, – скупно возразила ореховая тетка. – Обычно они предельно честны с клиентами во всем, что касается условий сделки. Но Дрейк... Он просто помешался на этой своей чистоте! Мы не были уверены, что получится его подловить, но... Все оказалось даже слишком легко.

– Вы о чем?

– Дарриэл подстроил ситуацию, в которой вы обменялись телесными жидкостями.

Я поперхнулась: чем-чем?!

Ах, это она про кровь и поцелуй... Ну да, было дело.

– И выдал это за заключение контракта, – махнув изящной ладошкой, продолжила Миндаль бархатным голосом. – Но он вас обманул.

Она затихла, ожидая от меня какой-то бурной реакции, но я лишь похлопала глазами: щелк-щелк. Обманул, конечно. Говорю же, хам, гад и вообще... черт безрогий.

– Вы не поняли, да? Вы в тот момент ничего ему не пообещали взамен его добровольно оказанной услуги. Он просто умело извернул факты.

– Вы хотите сказать, что я не продала случайно душу? – я резко подалась вперед. – И моя мольба о помощи была... обычной просьбой?!

– Просьба была обычной. Но душу вы все же продали. На целый месяц, да. Еще как! Просто сделали это часом позже в его гостиной, когда завизировали контракт.

Вот же... Черт! Чувствовала ведь, что где-то подвох!

Зато теперь пазл сошелся, картинка стала целой. Вот почему Джад его чуть не придушил (ладно, я утрирую, но Валькин муж хотя бы попытался!). И вот почему Дрейк велел приложить ко лбу заморозку в полотенце. У него не было тогда доступа к моей задушевной энергии. Уууу, хитрый гад!

Но нестыковки все-таки нашлись.

– Я своими глазами видела, как сияли вены под моей кожей!

– Обычная иллюзия, – миндальная барышня повела плечом. – Дарриэл тот еще... «фокусник».

Произнесла она это без малейшего намека на улыбку. Будто Дрейк и над ней в свое время умудрился зло подшутить. Хотя, что может быть общего между демоном Ада и «третьей стороной», я представляла слабо.

– А мой шок, случившийся якобы после продажи души? – вернулась я мыслями к проблемам насущным.

– Иногда шок – это просто шок, Олеся Владимировна.

Значит, обман. Черт попросту обвел меня вокруг пальца, сказав, что душа уже продана. Я могла ничего не подписывать и жить себе припеваючи!

А как он прогнал Джада? Тоже страшный магический фокус показал? Не удивлюсь, если так.

– Вы ведь не по доброте душевной пришли мне посочувствовать? – заглянула я в острые карие глаза, почти черные в скудном освещении переулка. – С каким-то конкретным предложением? Так говорите уже, не томите!

Последнюю фразу я чуть не проорала. Нервное. Я вообще неконфликтный человек, и уж точно не стала бы рывкаться на первую встречную, но этот день оказался ничуть не лучше предыдущего. Сил изображать вежливость попросту не осталось. А если она сейчас вдруг щелкнет пальчиками и сотрет меня в пыль, то пускай тогда сама тащится к Дрейку с его наглаженными слим-фитами.

– С предложением, да, – равнодушно бросила леди и привстала с газетки. – С одной стороны, ваш истинный контракт заключен законным путем. Услугу – пусть и оказанную добровольно, – вы уже получили. Но методы, которыми действовал Дрейк, в Канцелярии не одобряют. Так что шансы оспорить договор у нас есть.

– У нас?

– Мы поможем вам, Олеся Владимировна. А вы – нам, – Миндаль уперлась ладонями о стол и нависла над ним так, что шоколадные волосы волнами скатились с плеч. – Мы можем устроить разбирательство в Канцелярии и разорвать ваш контракт досрочно. Если...

– Что вам от меня нужно? – сипло выдавила я.

Мне заранее не нравилось все, что она могла предложить. Я никогда не любила находиться в центре внимания, а сейчас собиралась встать между чертом и их местным органом божественного правопорядка. Оно мне надо?

– Как я упомянула ранее, Штаб контроля не доверяет мистеру Дрейку. ХарДагат, пусть и бывший, не может не вызывать подозрений, сами понимаете, – проникновенным тоном произнесла дамочка, но, спохватившись, ухмыльнулась. – Ах, да... Не понимаете. Словом, Штаб желает за Дарриэлом приглядеть. От вас нужны глаза и уши на его личной территории. Может, иногда руки. Шустрые пальчики.

– Шпионить? За демоном, читающим каждую мою мысль?!

– Присматривать. Дрейк не так прост, мне ли не... – Миндаль резко встала и одной рукой скрутила волосы в гляцевый жгут. – Порой нам кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

Он давно ведет себя странно, но сейчас... Его новый заказ крайне важен. Он не посвящает в детали даже свою команду, а это беспрецедентно. Планируется что-то масштабное, и мы хотим знать, что именно. Может быть нарушено равновесие всего Верхнего мира, – она развела руки в стороны, обхватывая воздух вокруг себя. – Вы согласны? Это выгодное предложение.

– Что мне мешает отработать месяц и уйти свободной? Обязанности не пыльные. То есть, пыльные немного, но... не настолько, чтобы следить за чертом!

– Что мешает? – Миндаль издала грудной смехок. – Лишь то, что через месяц он вас не отпустит. Программа только стартовала. У него контракт с университетом до конца семестра. Думаете, через тридцать дней он разлюбит чистоту?

– Может, уборщица вернется! – буркнула в ответ и устало потерла локтевой сгиб, на котором полдня болтались перекинутые пакеты с одеждой.

Женщина мне решительно не нравилась и доверия не вызывала. Выбирая из двух зол – Джада и Дрейка – я уже однажды предпочла большее. И сейчас не собиралась совершать новую ошибку.

– Прошлая ассистентка не вернется, мы об этом позаботились, – глаза красавицы многообещающе сверкнули. – Как и об ее исчезновении. Она была крайне возмущена нашим предложением.

– О моем тоже позаботитесь, если откажусь? – нерешительно поинтересовалась я.

– К сожалению, в сложившихся обстоятельствах вы неприкосновенны. Так что работаем с тем, что имеем, – недовольно фыркнула кареглазая хищница. – Но... вы же внимательно читали контракт? Видели «фирменную лазейку Дрейка»?

– Вы про отказ от приказа, удваивающий срок?

Дамочка кивнула, и я сникла. Что ему мешает придумать такое «бытовое задание», от которого я буду просто обязана отказаться? К примеру, спрятать всю мою одежду и отправить голышом к консьержу за посылкой? Здоровью и безопасности это не угрожает, в коридорах новостройки тепло и даже ковры постелены...

– Вы тут минимум на полгода, дорогуша. А может, и дольше, – снова кивнула Миндаль. – А нам нужна только пара недель, чтобы удостовериться, что цель прибытия мистера Дрейка действительно такова, как он заявил. А затем мы поможем вам разделаться с контрактом.

– Я не собираюсь шпионить за чертом! – я решительно сгребла ворох пакетов и поднялась со стула. – Я еще не совсем спятила... Надеюсь.

– Подумайте, Олеся Владимировна. Мы не торопим... – хмыкнула миндальная барышня. – Да и у вас впереди целая вечность в подчинении у, как вы выразились, черта.

Подмигнула мне и... исчезла.

Во что я вляпалась?

Во что я, черт меня возьми (ох, нет, этого лучше не надо), вляпалась?!

Они – агенты некоего Штаба контроля за божественными правонарушениями – заставили пропасть предыдущую ассистентку. Как, куда? Жива ли она вообще? И лишь потому, что женщина отказалась шпионить за парнем с хвостом и дурными манерами!

Но я точно не собираюсь соглашаться. Не потому, что это подло (Ой ли! Дрейк меня умудрился наколоть уже дважды!). А потому, что страшно. С чертом шутки плохи. А так у меня есть хоть какой-то шанс отработать месяц и выбраться из передраги без потерь. Чем черт не шутит?

После заключения контракта дурацкие фразочки так и просились в мысли. Будто теперь вместо орды тараканов в моей головушке паслась тысяча чертей.

Это все Дрейк. Он влез в меня наглым образом и распространился повсеместно, словно с кровотоком. Язык до сих пор жгло его непривычным вкусом, в мозгу засел его образ, пальцы зачем-то помнили твердые мышцы, обтянутые белой тканью. Размышления упорно скатывались к хвосту, наличие которого у меня не было никаких шансов проверить, не застав демона

без брюк. Раз уж рога, пяточок и копыта пришлось отместить, цеплялась, можно сказать, за соломинку.

Доля истины в словах ореховой богини с золотыми пятками была. Не факт, что месяцем все окончится. Сегодня утром – в первый же день бытового рабства! – я чуть не отказалась делать это жуткое ритуальное мейсо. Всерьез перепугалась, что он прожжет мне пальцы.

Голос Миндаль (нет, правда, ну что за имечко?) бархатной змейкой кувыркнулся в сознании. «Вечность в подчинении у черта».

Вечность.

Скоро я, словно маленький Кай, буду собирать это слово из льдинок, в которые превратятся мои мечты и надежды. Где уж мне «Лингва Универс», когда у черта пол недомыт и омлет, питающий, кхм, «мужскую силу», не приготовлен?

Пожилая корейка протянула мне белоснежный смокинг, упакованный в полиэтиленовый вакуум. Черт что, правда носит такое на демонические вечеринки? Определенно, он промахнулся миром при рождении.

– Держи, ангелочек, – улыбнулась старушка, всучив мне еще три пакета.

Боги, да сколько у него этих рубашек? По каждой на день недели с учетом трехкратной смены гардероба? Боюсь представить, сколько у него носков.

– Я не...

«Не ангел. У меня даже душа – и та в ломбарде», – хотелось признаться владелице химчистки. О том, что она тут хозяйка, свидетельствовало несколько семейных фото на стенах.

– Ты светишься, – покачала головой корейка. – Прощая, та, что сдавала, по сравнению с тобой – бледная тень. Такой, как ты, нужна защита.

– Чего? – я всмотрелась в подслеповатые старческие глаза, почти прозрачные.

Зачем она меня пугает? И вообще, поздновато мне думать о безопасности. Уже вляпалась по самые разбитые колени.

– Я ошиблась, – корейка продолжила мерно кивать, словно соглашаясь с собственными мыслями. – Ты уже хорошо защищена. Иди с богом, милая. Иди.

...Всю обратную дорогу, качаясь в полупустом вагоне, я размышляла над тем, теряет ли Черт-Недельник пары от своих носков. С его нудностью и дотошностью я готова была поставить на то, что нет. У него все под контролем.

Интересно, а в белье у него имеются прорези для хвоста? Это я точно могу проверить. Достаточно заглянуть в комод в спальне, пока Дрейка не будет дома.

Новостройку, в которой поселился Дрейк, я нашла без труда. Словно в нее меня вел какой-то встроенный внутренний маячок. Может, он не соврал, и моя душа в самом деле стремилась к новому владельцу?

Консьерж – тот самый загорелый парень, что с подобострастной улыбкой приветствовал вчера черта, – подскочил и побежал к лифтам.

– Мисс едет на четырнадцатый? К мистру Дрейку?

Узнал. Запомнил. Кошмар!

Я прикусила губу. Что он подумал? Что я... и этот вот черт... что мы вместе?!

– Да... четырнадцатый, пожалуйста, – прохрипела, пряча красные щеки за чертовым смокингом. Сейчас все играло против меня, даже кипа пакетов с явно мужскими вещами.

У консьержа не было причин для сомнений в том, где я провела эту ночь и с кем. Уверена, как именно я ее провела, он себе тоже в красках представил. Потому что смотрел на меня с каким-то лукавым интересом. Он и не подозревал, что я валялась на коврике, отлежала себе все бока и чуть не свернула шею на твердом диванном валике.

– Меня зовут Витторио, мисс. Я сам здесь недавно и еще не всех постояльцев знаю по именам, – улыбка парня стала шире, уголки губ норовили коснуться ушей.

– Олеся, – тихонько пискнула я. – Я тут тоже... новенькая.

– Очень рад за мистера Дрейка, – кивнул Витторио и попытался получше меня рассмотреть, что было проблематично из-за прижатой ко мне кипы пакетов. Так что он быстро сдался и вернул глаза на мое лицо. – Я обычно работаю в ночную смену. Обращайтесь, если что-то нужно.

Что может быть нужно от консьержа? В каких случаях к ним обращаются? За солью? За ведерком льда? При неисправной проводке, перегоревшей в коридоре лампочке и отсутствии горячей воды? Вряд ли он способен помочь мне с моей проблемой.

– Ааа... – неловко протянула я. – Простите, я знаю, что это личное дело мистера Дрейка, но... К нему раньше приходили... другие женщины?

– Его часто сопровождала Химена, старая кубинка, – с охотой открыл рот Витторио. Видимо, склонность поболтать и поулыбаться у консьержей в крови. – Как я понял, мисс, они приехали сюда вместе, но жила она отдельно и никогда ночевать не оставалась. Она приходила сюда каждый день ровно за полчаса до рассвета, минута в минуту. Я пару раз специально засек. А однажды... не пришла. И на следующий день тоже. Мистер Дрейк темнее тучи ходил, характер совсем испортился, – шепотом добавил парень и заговорщицки подмигнул.

Похоже, Химена пропала стараниями миндальной тетки. Что они сделали с пожилой кубинкой?

– А больше никого?

– Других женщин я ни разу тут не видел. Вы первая. Так что я очень рад за мистера Дрейка, – подобострастно повторил парень.

«Дзыннь». Я бочком забралась в подъехавший лифт.

– Приятно познакомиться, мисс Алессиа, – с забавным, явно деланным акцентом пробормотал консьерж и в который раз лучисто улыбнулся. Он просунул руку в лифт и нажал нужную кнопку, сам остался в фойе встречать очередных гостей.

Ехала и думала – ну вот какая я ему мисс? Скорее всего, он и сам никакой не Витторио, а наш местный Витек. Но да, в этом районе часто снимали апартаменты иностранцы, так что игра стоила свеч. И парень отработывал по полной.

Телефонная трель застигла меня у самого входа в логово черта. Зажав кипу пакетов подмышкой и зафиксировав телефон щекой, я просипела: «Алло?» и дернула ручку.

Дверь не поддавалась. Черта дома не было. Казалось бы, и слава богу. Но как мне попасть внутрь? Или теперь я сплю на коридорном коврикe?

Так. Мне же кто-то звонил? Из трубки раздавалось нервное сопение, абонент молчал.

– Леся, ты в порядке? – вдруг строго поинтересовался мамин голос, забыв про приветствия, и пакеты со скользющим шумом вывалились из рук.

Я ошалело уставилась на дверь перед собой. Открыла рот и обреченно закрыла: звуки он издавать не хотел.

Последний раз мама мне звонила год назад. После того памятного разговора, в котором она ревниво заявила, что у меня, в отличие от нее, жизнь продолжается, мы не общались.

Она долго жаловалась на воронежский воздух, к которому у нее легкие отказывались приспособляться после столичного смога. Сетовала на отсутствие на полках излюбленной косметической марки (не забыв упомянуть, что денег на нее теперь все равно бы не хватило). Истерично заявила, что меня, ее стараниями, ждет в Москве большое и светлое будущее. А потом, вспомнив резко про что-то (может, про невыключенную плиту, я не уточняла), она торопливо попрощалась и бросила трубку. С тех пор не звонила.

Эта нездоровая смена настроений меня пугала. Но папа был рядом. Оставалось верить, что он не пропустит настоящую депрессию. Каждый переживает кризисное время так, как умеет.

Я бы могла вообразить, что мы с матерью отстранились друг от друга после банкротства отца из-за их вынужденного переезда. Я осталась тут, а они... Может, и следовало бросить учебу. Поехать в Воронеж вместе. Валька незадолго до этого умотала в Лондон и носа сюда не показывала. Но я... Должна была, да.

Помню, даже предложила им это – взять академ на годик и помочь семье освоиться на «старом новом месте». Но отец настоял, чтобы я продолжила учебу. Не зря же он использовал свои связи, проталкивая меня на курс к самому Рогозину? Не всякий бюджетник мог о таком мечтать.

Но нет, мама позабыла о моем существовании задолго до отъезда. Все случилось как-то резко. Наши посиделки у телевизора с домашней пиццей сменились ее поздними возвращениями из SPA, после которого они с подругами решали вдруг заскочить в недавно открывшийся итальянский ресторанчик. То ли манящая богатая жизнь закрутила. То ли я выросла и перестала ей быть интересна.

Наша новая московская квартира была огромной, так что мы умудрялись с ней не сталкиваться, даже находясь под одной крышей. Первое время я грустила, переваривая странное чувство брошенности. Будто меня избегают. Будто бы намеренно забыли. Вычеркнули из жизни. Потом меня засосало в учебу, словно в морскую воронку. Я едва успевала выбраться на поверхность и сделать вдох, как начинались новые тесты, стажировки, зачеты, практики...

И вот ее голос. Прорезал мое бытие. Сиплый, почти не знакомый. И спрашивает, в порядке ли я. Удивляюсь, как еще трубку не выронила вместе с пакетами.

– Я... да. В порядке, мам.

Врать родителям нехорошо, но не говорить же ей, что я вынужденно устроилась уборщицей к демону Ада? Ее психика и так хрупка.

– Точно?! – нервное с той стороны, будто из другого мира. – У меня живот крутит.

Кому-то разговор показался бы странным, но я знала, что мать так опознает дурные предчувствия. По болезненно ноющему животу. Может, и осталась между нами какая-то связь.

– Все прекрасно. И с учебой, и вообще, – затараторила я.

Где-то в глубине души копошилось низменное чувство: хотелось ее шокировать правдой. Чтобы испугалась за меня, бросила все и приехала утешать. Чтобы позволила уткнуться себе подмышку, как когда-то в детстве, и позорно расплакаться. Чтобы переволновалась и побежала пить какие-нибудь несильные успокоительные. Но я мысленно дала себе по обеим щекам. Не нужно наваливать на нее еще и свои проблемы.

– А... ты, может, познакомилась с кем-то? – неловко спросила мама, и я начала краснеть.

Про влюбленность в Юру я ей рассказывала на втором курсе, но хранить глупое чувство в себе все эти годы... Попахивает мазохизмом.

– Мне некогда. Я тут еще и подработку себе нашла. Буквально вчера, – я поморщила лоб и потеряла бровь, которая уже не болела, но воспоминания навевала.

– Плохо, Леся. Тебе нужен мужчина. Такой, как муж Валентины, – строго наказала мама, и меня замутило. – Сильный, надежный... Который может обеспечить твою безопасность.

Кулак. Дрейк. Косяк... Бровь.

Нет, такой, как Джад, мне точно не нужен.

– Со временем, конечно... – промямлила я согласно.

– Нет, сейчас. Найди мужчину. Обязательно найди, Леся. Чтобы был всегда рядом хотя бы в этот месяц. Тебе нужна защита. Я женщина слабая, я не смогу помочь, я... – мать истерично всхлипнула и снова бросила трубку. Прямо как год назад.

Да что это, черт подери, было-то?!

Позади меня раздалось знакомое «Дзыннь». Приближающиеся шаги, приглушаемые коврином, намекнули: черт вернулся. А его чистые рубашки валяются на полу. А вот это – ой.

Он нес в руках небольшой кейс, при взгляде на который мне почему-то стало дурно. Словно внутри лежало что-то настолько черное и мрачное, что даже природа бастовала и мир отступал на полшага, организуя вакуум.

Дрейк был погружен в свои мысли. Сосредоточенно подошел к двери, резким движением сунул в скважину ключ. Два отрывистых, гулких щелчка – и черт, перешагнув кучу пакетов, вошел внутрь. Будто не заметил, что я валяю в коридорной пыли его чистенькие рубашки.

Что-то с ним не то. Ни шуточки, ни дежурной ухмылки. Словно это он сегодня говорил с тремя странными – очень странными! – женщинами, а не я.

Пока я ошалело хлопала глазами, демон размашистым шагом прошел в свою спальню. Негромко, но красноречиво хлопнул дверью. И стал там чем-то пощелкивать и шуршать.

Почему спальня? Если в кейсе лежат «рабочие» контракты – первое, что пришло мне в голову, – разве им не место в кабинете? Любопытство вступило в смертельную битву со здравым смыслом и... позорно проиграло. Ну их к черту, его секреты!

Я сгребла рассыпавшуюся одежду, отряхнула от пыли – благо, она была надежно запакована, – внесла внутрь и сложила на адский пыточный агрегат, именуемый себя диваном.

Дрейк появился только спустя полчаса. За это время я успела скинуть туфли, наведаться в ванную, стянуть с себя новые колготки и на пару минут засунуть налитые свинцом ноги под холодную воду. А-а-а-а... Сколько же наслаждения в секундном облегчении после многочасовой муки! На исходную позицию в гостиной я вернулась почти одновременно с чертом.

– В мою спальню пока не заходи, Олеся, – строго бросил мужчина и устало потер бровь. – Понятно? Пока не дам тебе официального разрешения.

– Аааа... ладно. Без проблем, – охотно закивала я и на всякий случай добавила: – Не больно-то я туда рвалась.

Похоже, пункт со сменой постельного белья временно отменяется. Ну и славно.

– А в кабинет?

Может, тоже нельзя? Я только за.

– В кабинет можно. Там очень быстро копится пыль, – губы Дрейка тронул намек на ухмылку, взгляд скользнул вниз по моей фигуре и остановился на ноющих лодыжках.

Надеюсь, он не откопает в недрах моей памяти постыдные мечты о массаже стоп, за который я готова была заложить душу? Эх, знала бы, что мой контракт ненастоящий, выторговала бы себе хоть какие-то привилегии. Тазик со льдом и аромамаслами, как минимум.

Я аккуратно покосилась на его лицо. Проницательный взгляд все еще ощупывал мой подъем, не выражая никаких эмоций. Похоже, Дрейк слишком устал, чтобы читать нескромные мысли своей ассистентки номер два.

Зеленые глаза поднялись и переместились на адский диванчик, припорошенный идеально белыми рубашками. Черт одобритительно кивнул, и мне почему-то захотелось улыбнуться. Еще чуть-чуть, и я начала бы гордиться собой: смотрите-ка, «Леся-потеряша» не заблудилась (ну, почти, но Дрейку знать подробности необязательно) и отыскала все три химчистки. И где там мой положенный пирожок?

Глупая, глупая Олеся! Словно собачка, которую потрепали по голове и дали лакомство за то, что выучила команду «к ноге».

– Странный вы все-таки черт, – недовольно буркнула я, заталкивая внутрь нахлынувшее ни с того ни с сего самодовольство.

– Я не черт, Олеся. Я демон Ада. Будет здорово, если ты перестанешь путаться хотя бы вслух, – поправил меня черт.

– Неважно, – отмахнулась я. – Для существа, имеющего дело с людскими пороками... с человеческой грязью... вы слишком зациклены на порядке и чистоте.

– Я давно живу и многое видел. В грязи нет ничего красивого, – Дрейк пожал плечами, заторможенно разглядывая мой педикюр.

У них в аду что, ногти на ногах не красят? Зачем так удивляться бледно-розовому лаку? Это же не кроваво-алый.

– Кроваво-алый тоже будет хорошо, – черт скосил голову набок, не отрывая исследовательского взгляда от моих стоп. Маньяк! И мысли снова читает. Дважды маньяк!

– Да что вы в этом понимаете? – хмыкнула я на его ремарку.

– Ты пытаешься лишить меня права ценить чистоту и видеть красоту? Опомнись, Олеся. У нас с тобой не так уж много различий.

Дрейк поджал губы и погладил пальцами щетину на подбородке.

– Ну, не знаю, не знаю... Вопрос с хвостом остается открытым, – я смущенно потерла одну стопу о другую. – И перестаньте уже пялиться! Это обычные ноги.

– Я в курсе. Просто успел позабыть, что ваши женщины любят все раскрашивать. Лица, ногти. Колени...

Я прыснула и закашлялась. Надеюсь, он не решил, что зеленые колени – модный тренд Верхнего мира? Не дай бог расскажет кому. Вдруг демоницы повторять начнут?

Дрейк сдернул с пыточного диванчика одну из рубашек и вышел в ванную. Любопытно все-таки, что он прячет в мрачном кейсе и чем он там пощелкивал целых полчаса. Может, миндальная тетка права, и он не тот, за кого себя выдает?

Я почесала затылок. «Не тот» – это не кто?

То, что он не американский фермер, ясно с первого взгляда. То, что Даррел не вашингтонский профессор – и горемычному ежику понятно. То, что он не супергерой, спасающий перепуганных девиц по доброте душевной, – тоже. Тогда – не кто? Не черт? Не демон Ада? Едва ли такие вещи можно как-то замаскировать (я, в кои-то веки, не про хвост). То, что без рожек, еще не значит, что не адское создание. Тогда в чем подвох?

Азарт прокатился по венам. Может, послать черта к черту и заглянуть все-таки в спальню? Я же не собираюсь всерьез шпионить и передавать информацию этой «марципанке». Я исключительно для себя. Заодно в комод загляну. Одним глазком (вот теперь все-таки про хвост).

Я сделала пару шагов к чертовой спальне, когда из ванной донеслось подозрительное шипение. Будто кто-то плеснул воды на раскаленную сухую сковороду.

– О-ле-е-ся-а-а! – раздался демонический раскатистый рык, и Дрейк с перекошенной физиономией предстал перед моими распахнутыми глазами.

Он ведь не мысли прочитал? Нет?

– Там. Весь пол. Залит. Водой, – судорожно заглатывая воздух, шипел черт и тыкал пальцем в ванную комнату.

А-а-а... да. Я не вытерла за собой – торопилась вернуться к дивану. Чего так нервничать-то?

– Это просто вода, – я развела руки в стороны. – А пол с подогревом. Высохнет.

Зеленый взгляд стремительно чернел, желваки на красивом лице отчаянно мигрировали. Дрейк приподнял ногу и изумленно уставился на мокрый носок. Он разулся, да? Че-е-е-ерт.

– Вытри. Б-быстро, – сквозь зубы бросил демон Ада (сейчас точно он, без секундных сомнений). Судя по сжатым кулакам, он мысленно меня душил вот уже две минуты. Псих!

– Да высохнут ваши носки! – испуганно пискнула я, торопливо заскакивая в ванную. Тоже мне, кактус.

Я стянула вчерашнюю тряпку с сушилки и быстро протерла пол. Внутри кувыркались страх пополам с возмущением. Вода – это же чисто. Водой же моют! Стоит ли душить ассистентку за оставленную лужицу? Я всхлипнула и шмыгнула носом, так и не встав с колен. Кажется, я перепугалась больше, чем думала. Ну и глаза. Очень, очень страшные глаза.

– Ты не выглядишь счастливой, – Дрейк показался в проеме ванной.

– С чего бы мне быть счастливой? – горько хмыкнула я и тайком вытерла щеку. – Вы обманом заключили меня в бытовое рабство! – Про себя подумала – двойным обманом! – Орете, шипите, пугаете... Придушить вот хотите. На коленках ползать заставляете. Яйца сырые в руках поджаривать. Спать на коврике, как дворняжка!

Меня прорвало. Щеки вмиг намокли и раскалились, в ванной грозилась образоваться новая лужа взамен вытертой.

– Диван нормальный, Олеся. Придушить уже не хочу, – «успокоил» меня чертов черт. – Что до коленей... Разве не об этом ты мечтала?

– Ползать с тряпкой в ногах у типа вроде вас? Уж точно не об этом! – я огрызнулась так громко, что у самой заложило уши.

– До сих пор ты не возмущалась, когда тобой открыто пользовались. Я решил, что тебе нравится, – Дрейк пожал плечом. Взгляд его просветлел и зазеленел весенней травой. Похоже, и впрямь остыл.

– Вы в своем уме? Нравится, что меня используют? Ставят на колени?

– А разве нет? – черная бровь вопросительно приподнялась. – Просто наши отношения с тобой – в отличие от всех прочих – абсолютно прозрачны и честны. И даже оговорены контрактом.

– Пфф! Ну вы и муу... – я резко поднялась с пола, вытерла щеки и уткнула руки в бока. Пусть не думает, что я сдалась.

– «Муу»? Мутант?

– Мутный вы тип. На что уставились? – я съежилась под его наглым изучающим взглядом.

– На это можно смотреть бесконечно, Олеся.

– На что «на это»?

Нет, я сама его сейчас придушу. Вот прямо этой тряпкой.

– Как мышка пытается казаться кошкой. Тебе идет. Приятно сопротивляться, да? – Дрейк вдруг протянул ко мне ладонь, коснулся пальцами подбородка и приподнял лицо, будто собирался поцеловать.

– Я вовсе... Я... – я стушеввалась. Он ведь не собирается повторить «фокус» из общежития?

– Со мной ты борешься. Ну, пытаешься, как умеешь... Это забавно и любопытно, – черт выпустил мой подбородок из пальцев, отчего коже вдруг стало холодно.

Дрейк не ошибся. В перепалках с ним действительно в тело проникала какая-то эйфория. Азарт войны. Мне нравилось с ним спорить.

– Что в этом любопытного? Думали, у меня совсем гордости нет?

– Причем тут гордость? Просто в твоём понимании я – зло, и бороться со мной правильно. Если уступишь – будешь чувствовать себя плохо, верно? В отношении же тех, кто у тебя проходит под общей категорией «добро» – семьи, которой до тебя нет дела, сомнительной подружки, парня, который греет твои фантазии, непутевой сестры, – ты тот же мышонок. Отзвучивый, всепрощающий, готовый всегда помочь и все стерпеть. Глупо, Олеся.

– Чего?!

От его нудных философствований меня замутило. Что он о себе возомнил, этот черт?

– Ты глупый мышонок. Нужно быть умнее.

Сидеть поздним вечером в чужой квартире, да еще наедине с одиноким мужчиной, было неловко. Это вчера все смешалось и закрутилось, и я сама не помнила, как выключилась от стресса, свернувшись на коврике. А сегодня я не была уверена, что смогу повторить подвиг.

Я нервно пила на кухне чай – обнаглела и заварила себе его без спроса. В холодильнике обнаружились «продукты первой помощи» холостякам. Причем в промышленных масштабах.

Несколько контейнеров с яйцами, горка вакуумных упаковок с беконом. Какие-то консервы. Но от волнения аппетит пропал.

Как все будет? Он снова уйдет в спальню, позволяя мне устроиться возле дивана?

– Я уйду. По делам.

В дверях показался отутюженный Дрейк. Джинсы с модными потертостями, призывно обтягивающая белая рубашка, подчеркивающая рельеф и загар. Оделся так, словно собирается в ночной клуб. Хотя... а куда еще ходить черту по работе среди ночи?

– Сейчас?

Кухонные часы показывали десять.

– Самое время для моей... профессии, – подтвердил робкие умозаключения черт. – Олеся, я вернусь завтра вечером... или позже. Так что обойдемся без рассветного кофе.

Я хотела ему напомнить, что в отсутствии кофемолки, турки и кофеварительных способностей у меня любимой, мы обойдемся вообще без кофе. Как рассветного, так и закатного. Но промолчала.

Уходит – и на том спасибо. Меньше народу – больше кислороду. В моем случае так точно: меньше буду задыхаться от ужаса. И почему вдруг «рассветного»? Еще один чертов бзик?

– Я пью кофе ранним утром, с восходом солнца. Вот уже тридцать лет. Каждый день.

Резкий кашель вырвался из груди. Сколько-сколько? Я не ослышалась? Или он подсел на кофе сразу с пеленок, решив пропустить грудное молоко? А может, в аду вообще нет молока и принято кофейное вскармливание? Тогда понятно, чего он такой нервный.

– Привычка. Рассвет и кофе. Там, где я жил раньше, нет ни того, ни другого. Мне нравится совмещать. Напоминать себе, что во всем есть плюсы, даже в... – он замаялся и перевел взгляд в темнеющее окно. – Одна из твоих обязанностей, Олеся, – делать так, чтобы в нужное время передо мной стояла чашка с правильным кофе. Но завтра отдыхай. И...

– И?

– Составь список нужных тебе вещей. Продукты. Чай, какой ты пьешь. Шампунь. Мыло. Крем. Полотенце... Что там еще? – он выдохнул и наморщил загорелый лоб, показывая, как нелегко ему даются размышления о том, что может понадобиться девушке в чужой квартире. – Завтра днем зайдет мой человек, возьмет список и купит все необходимое. К вечеру привезет. За своей одеждой, тетрадами и ноутбуком заедешь в общежитие в понедельник.

Боги, он не шутил! Он и правда задумал глобальное переселение меня на целый месяц... вот сюда. К нему на коврик.

– Да, я не шутил, Олеся.

– Долго вы еще будете у меня в мозгах ковыряться? Говорили же, что к утру эффект рассосется.

– Ну, как видишь, не рассосался. Твое сознание так и осталось на одной волне с моим. Я и сам этому уже не рад.

– Ой ли!

– У тебя там жуткий кавардак. А я, знаешь ли, дорожу порядком. Во всем, – черт нахмурился. – В мыслях и чувствах в первую очередь.

– А то они у вас есть!

– Мысли? – Дрейк приподнял бровь.

– Чувства, – надменно фыркнула. – Если так раздражает мой «кавардак», купите себе шапочку из фольги.

Я скинула загорелую физиономию цепким взглядом и пришла к выводу, что ему пойдет. И даже отверстий для рожек проделывать не придется. А вот если в комплект прикупить брюки или, скажем, комбинезон... Да, там, пожалуй, без отверстий никак.

– Олеся-а-а... – удрученный выдох намекнул, что с шапочкой стоит поторопиться.

Глава 6

Я проснулась только к полудню. Оказывается, спать на коврикe может быть вполне уютно, когда в квартире нет черта-«барабашки» с макбуком. Еще бы обтянутый хлопком кирпич, именуемый себя «диванным валиком», заменить на что-то более удобоваримое – и можно жить.

Вспомнилось, как в моем детстве – еще до свалившихся на наше семейство неземных благ и сопровождающих их проблем – мама все время боялась, как бы начальник не вызвал ее на ковер. Босс ей достался строгий, из распространенной породы всезнающих самодуров. Пятилетняя я никак не могла понять, что такого страшного может быть в мягком напольном покрытии? Казалось бы, ну ковер и ковер. Чего так бояться?

Мой нынешний босс меня на ковер не просто вызвал, но там и оставил. А сам, гад безрогий, ушел. Интересно, возвращение вечером подразумевало веселую ночь? Хотя... Какое мне дело, как развлекаются черти в свободное от воровства чужих душ время?

Первый час я бесцельно слонялась по квартире любопытной кошкой – принохивалась и присматривалась. В спальню заглянуть так и не решилась. Убийственно страшный темно-зеленый взгляд живо всплывал в памяти. А за неимением души жить почему-то хотелось особенно сильно.

Сунула нос в ванную, порылась в шкафчиках. Ни швабры, ни пылесоса не обнаружила – как черт и предупредил. Но нашлось несколько запакованных микрофибр разного цвета и размера. Он не шутил: ползать мне придется на коленях все время. Чтобы не доставлять ему удовольствия лицеизреть мой оттопыренный зад, для себя решила делать уборку в его отсутствие. То есть вот, к примеру, сейчас.

...Еще через пару часов я позволила себе выйти из квартиры. Ключа у меня не было, и я боялась покинуть ее надолго. Прошла по устланному ковровином коридору влево. Затем – вправо. Как тигр на цирковой арене! Потыкала кнопку лифта. Дождалась заветного «Дзыннь», но входить не стала. Сомнительная иллюзия свободы. Будто можно сбежать от демона, у которого в кармашке завалилась твоя душа.

Снова и снова в голове всплывали слова миндальной тетки. «Вечность в подчинении у черта». Но нужно быть совсем самоубийцей, чтобы шпионить за демоном Ада, ведь так?

Едва я закрыла за спиной входную дверь и притулилась лопатками к полотну, лифт снова приветливо «дзыннькнул». И полминуты спустя в мой затылок впечаталось уверенное «Тук-тук».

На пороге стоял парень. Лет двадцати трех, с рыжими растрепанными кудрями и открытой белозубой улыбкой. Я опешила, хлопнула пару раз ресницами, ожидая какого-то приветствия или пояснения... Но гость просто протянул руку, будто ждал, что я в нее что-то положу. Немой что ли?

– Ааа... Вы от мистера Дрейка? За списком, да? – догадалась пару секунд спустя, и парень кивнул.

Я чуть отошла, впуская визитера внутрь, но он резко мотнул головой и остался стоять за порогом. Субординация? Деликатность? Или без приглашения хозяина он не смеет войти?

Смущенным парень, в отличие от меня, не выглядел. Наоборот, смотрел с легким ехидством. Почти так же, как недавно Витторио. Интересно, как Дрейк объяснил «коллеге» наличие девушки в собственной квартире? И необходимость обеспечить ее шампунем, персональным куском мыла и любимым чаем?

«Мой человек». Так я и поверила! Интересно, какую должность занимает рыжий чертик? Рожок из-под бронзовых вихров не пробивалось, но... Конечно, этот тоже был демоном. Обаятельным и, в отличие от Даррела, явно весельчаком. Мягкий прищур зеленоватых глаз

и убежавшие к вискам дорожки мимических морщин покоряли с первого взгляда. Почему-то хотелось улыбаться ему в ответ.

– Вот. Там немного совсем... Я бы и сама могла, – замявшись, я протянула чертенку сложенный вдвое лист бумаги. Тот ухватил список, слегка мазнув по моей ладони пальцем. Тело прошибло током. Озорно подмигнув, парень развернулся на каблуках и размашистым шагом пошел к лифту.

«Дзынь» – и я снова осталась в гордом одиночестве.

Через три часа Рыжик (так я про себя прозвала обаятельного чертяку) вернулся с четырьмя пакетами. Половину из этого я не заказывала, но, видимо, Дрейк велел ему исправить огрехи моей скромности. Иначе как объяснить, что вместо творога и бананов нашлись три пачки слабосоленого лосося? А еще баночка с утиным паштетом, пластиковый контейнер с икрой кеты, нарезка хамона, огромные испанские оливки, свежий хлеб и творожный сыр?

Это все выглядело отдаленно знакомым. Маленькую меня редко брали на «взрослые» посиделки. Но позже я застала несколько пышных банкетов – когда отец открывал филиал в Нижнем и когда «обмывали» новые апартаменты в центре Москвы. Ну и когда Валька «удачно» выходила замуж, само собой.

Я не тосковала по обеспеченной жизни. Даже в лучшие времена дома мы питались просто. Мать на Новый год запекала утку, отец сходил с ума от картошки, жареной с лесными грибами. Он быстро взлетел и так же стремительно упал. Ни я, ни папа не успели привыкнуть к роскоши. А вот мама с Валькой, кажется, да. Им банкротство «Ласков Групп» далось труднее. Сестра тут же спряталась за мощной спиной Джада, а мама... Она забаррикадировалась где-то внутри себя.

И все-таки мясо краба, прикупленное Валькой с моей стипендии, разбередило фантомные раны. Черт! Кажется, этот Черт задумал меня искусить. Совратить. Или чем там эти звери занимаются?

Сбить с пути истинного, вот.

В следующем пакете обнаружили какие-то пупырчатые щупальца неизвестного морского гада. Кусок жутко пахучего сыра – аромат пробивался даже через упаковку. Две палки заплесневелой колбасы, по запаху отдаленно напоминающей отцовские носки не первой свежести. Еще какая-то ерунда в банке, похожая на плавающие глаза. Нормальными казались только помидоры, но и те зачем-то были вялыми.

А что-то из еды для простых смертных тут есть? Я не готова кормиться деликатесами с руки демона Ада! Душа, все еще находившаяся во мне, бастовала против такого положения вещей.

Вот только желудок ворчливо урчал. Напоминал, что я на завтрак сварила себе два яйца и этим гордо ограничилась. Телефон пиликнул. Как не вовремя! Я тут борюсь с собой и низменными порывами, а он...

«Надеюсь, ты не додумаешься морить себя голодом из чувства протеста, Олеся».

Он и на расстоянии мысли читать умеет? Откуда у него вообще мой номер?

Вот вроде спрашивает, а знака вопроса нет... И между строк читается приказ: «Ешь». Или он, приказ этот, мне просто на голодный желудок примерещился?

Я покорно вскрыла одну из упаковок с красной рыбой. Чем черт не шутит? Мне тут целый месяц куковать. На одних яйцах долго не протяну.

Но плесневелую колбасу «с носками» пусть сам ест.

Адское чудище в квартире до сих пор не объявилось. Но завтрашний «рассветный» кофе никто не отменял. Так что я привычно растянулась на коврик, как приبلудная дворняжка,

сунула под голову диванную подушку и прикрылась пледом. Думала, что не засну, но через секунду меня поглотила вязкая дрема.

Проснулась я от мерного стука. Тук-тук-тук-тук... Похоже на шелест клавиш ноутбука, по которым кто-то шустро набирает текст.

Я приоткрыла один глаз. В кресле напротив дивана, по ту сторону ковра, сидел Дрейк. На его коленях действительно серебрился макбук, отсвечивая в меня надгрызенным яблоком.

– Вы чего... тут... – я приподнялась на локте, продирая заспанные глаза. Сейчас сколько? Часа три ночи?

– Работаю, Олеся. Спи.

– Почему тут?

Я имела в виду, почему рядом со мной, а не в кабинете или спальне. Он сидел в нескольких метрах от меня, и это странное соседство – при условии, что я валялась практически в его ногах, – очень смущало.

– У тебя приятная аура. Чистая, энергичная, звонкая, – не отрывая взгляд от экрана про-бормотал Дрейк. – Рядом с ней легко и быстро работается. У меня много дел, надо разгрести до утра. Мне нужен «допинг».

«Допинг» – это, в смысле, я? Моя звонкая аура? Офонареть...

Значит, он собирается стучать по клавишам до утра. Стало быть, спать в квартире планирую только я. И нет, у него даже мысли не возникло предложить мне свою постель! Ведь так «вкусная» энергичная аура уйдет. Лежите, Олеся Владимировна, где лежали. Хам!

– Можешь взять сюда мою подушку, – буркнул еле слышно Дрейк, поглощенный каким-то новым «дзынь» на макбуке.

Спать на подушке, которой касалась голова этого черта? Даже не знаю... Он, конечно, рогов не носит. Не модный в Аду аксессуар, как я успела понять. Но...

Я все равно встала и пошла. Ай, к черту! То есть... ну да, к нему. В спальню. За подушкой. Потому что та ересь, что именовалась диванным валиком, по ощущениям больше напоминала черствую буханку хлеба.

– Завтра куплю тебе подушку, – все тем же монотонным голосом выдал демон. – А сейчас прекрати шастать по квартире и ляг обратно. Отвлекаешь.

Я устроилась на коврик, закуталась в плед по самый нос и прикрыла глаза. Но не была уверена, что смогу заснуть под его мерное «тук-тук-тук».

Дело вовсе не в шуме: клавишный перестук, наоборот, убаюкивал. Но одно дело – спать в общежитии рядом с соседкой или с Валькой. И совсем другое – в одной комнате с мужчиной. Малоизвестным. Взрослым. (Сколько ему, кстати? Выглядит на тридцать, но ведь могут быть и все триста!) И с довольно необычной профессией.

Ладно, если притвориться спящей, есть шанс поверить в собственный обман. Я поглубже зарылась щекой в мягкую ткань с ненавязчивым запахом кондиционера и чего-то еще... терпкого, но, пожалуй, не противного.

Недавно мы с Лилькой смеялись над анекдотом в тему. Про слишком настойчивого консультанта известной сети, торгующей телефонами, умудрившегося продать дьяволу душу... и чехольчик. А я вот продешевила. Нет во мне коммерческой жилки.

Мысль о том, что мне завтра купят подушку, отдалась приятным теплом в районе поясницы. Будто мне пообещали хрустальные туфельки и ведерко бриллиантов в придачу. И это как минимум. Как мало мне все-таки надо.

– Все равно вы – зло... – пробубнила я, стряхивая с себя мечтательное настроение. Меня подушкой не купить!

Тяжелый вздох и мягкий хлопок крышки ноутбука заставил напрячься каждой клеточкой. Ой-ей!

Я приоткрыла глаз и устремила его на кресло напротив. Сейчас оно пустовало. Где Черт, черт его возьми?

Дрейк обнаружился сверху. То есть прямо надо мной. Сидящим на корточках у моего спального места и нависающим над моим «спящим» лицом. Ковер приглушил его шаги. Ну, или черти летать умеют. Телепортироваться, как вариант.

– Зло и добро – очень относительные вещи, Олеся, – тихо и ровно, в духе лекции, произнес заморский профессор, пока я отходила от пугающей близости изумрудных глаз. Хотелось зажмуриться и снова притвориться спящей. – Демоны и ангелы просто руководствуются разными мотивами. Я помог тебе с Джадом. Твоя сестра и племянник целы. Никто не пострадал. Хочешь сказать, что это не добро?

– Вы это сделали из корысти. Чтобы найти себе уборщицу.

– Помощницу. Это и есть мотивы. Но мне твоя душа нужна лишь на время. Потом ты станешь свободна. Свою же услугу я назад не заберу. Уборкой ты платишь мне за избавление своей семьи от большой беды. На мой взгляд, справедливо. А на твой?

Я замешкалась с ответом. В этом контексте я ситуацию рассматривала и раньше. Но уж точно не в том свете, что вашингтонский черт совершил хорошее дело!

– Или добро должно быть исключительно бескорыстным, не требующим оплаты? Но тогда его особо и не ценят. Воспринимают как должное. А так у нас с тобой прозрачные деловые отношения. Все довольны. У меня – чистая квартира. У тебя – невредимая сестра, оставшийся с любящей матерью племянник и целые нервы. Разве не этого ты хотела? Спи, Олеся. Спи...

Солнечный луч пощекотал нос, и я проснулась. Светило было достаточно высоко, раз его наглые лапы пробрались даже за диван. Я испуганно вскочила: рассвет прошел, меня никто не разбудил, кофе не потребовал... Вот черт!

Я выпуталась из пледа, готовая с головой броситься в бытовое рабство, чтобы поскорее отработать душу. Но... Дрейка нигде не нашлось. Ни во вчерашнем кресле, ни на кухне. Ни вообще в апартаментах на четырнадцатом этаже.

Он меня не разбудил. Это хороший знак или плохой?

Дрейк что-то говорил о том, что моя душа, подточенная этим чертом-короедом, сияет не так ярко. Что ей нужно время на восстановление. Может, он потому и дал мне проспать до... До девяти утра?! Часы на мобильном показывали 9:15. Слава богу, мне сегодня к третьей паре.

Два дня бытового рабства проскочили незаметно. Все закрутилось так быстро и странно, что утром понедельника я едва помнила, что мне, вообще-то, положено явиться в университет. Но запас времени еще был, так что я заварила себе жасминовый чай и с безликой белоснежной чашкой плюхнулась в кресло в гостиной.

Роскошные окна с лучших сторон демонстрировали мне комплекс «Москва-Сити», бесконечными башнями подпиравший седые облака. Квартира черта вообще очень походила на столицу. Дизайнер явно вдохновился «природными оттенками», о чем свидетельствовали светло-серые стены, местами уходящие в оттенки грозового неба и мокрого асфальта.

Но, в отличие от шумной, торопливой, толкающейся и гудящей Москвы, здесь было тихо. Пусто. Просторно. Солнце игриво бликовало на паркете и просвечивало насквозь светлый ворс ковра. Я поджала под себя ноги и не без труда призналась: сейчас мне хорошо. Приятно и спокойно.

Хотя отсутствие элементарного кофейного столика возмущало: вот как можно жить в столь голом пространстве, что даже чашку поставить некуда? Что за приступ аскетизма? Но роскошный вид из окна на столичную суету компенсировал лощеный минимализм. Наверное, в таких апартаментах жильцы чувствуют себя королями мира.

Я никогда не бывала в настоящих небоскребах. Не представляла, как себя ощущает человек, живущий, скажем, в пентхаусе. Но даже эти просторные хоромы выбивали меня из колеи – немудрено после комнатки в двенадцать квадратных метров. Никак не могла определиться: то ли воображать себя мышонком, случайно забредшем в гнездо орла, то ли все-таки временной орлицей.

Оглядев еще раз все комнаты, кроме спальни, словно преступница, я воровато протиснулась в ванную. Боже, душ. Один и весь для меня. И никто не подвывает в соседней кабинке! И никто не торопит, поколачивая дверь! Кажется, я провела в нем не меньше получаса. Если и был мой персональный Рай на земле, то он, кажется, располагался в квартире у черта.

Пора было признать: несмотря на соседство с адским созданием, его временами жуткий темнеющий взгляд, странные бзики и глупые правила, все было не настолько страшно, как показалось пятничным вечером.

На кухонном столе лежал запасной ключ, прижимавший к стеклу записку. Такую сухую, будто Дрейк за каждое слово лишался парочки выгодных контрактов или получал шелбан в загорелый лоб. Ни приветствия, ни прощания. Ни даже подписи «Черт». Или, на худой конец, «Твой нудный рабовладелец».

«Вечером будь не позже шести. Привези какие-то вещи. Ужин закажу сам. Заберешь у курьера»

Интересно, в Америке примерно такие записки оставляют женам мужа? Или все же добавляют: «Доброе утро, медовая»?

Я придирчиво оглядела квартиру. После вчерашней уборки она блестела, так что хвататься за тряпку было рано. Значит, я успевала забежать в общежитие за свежей одеждой и конспектами.

Деньги, оставшиеся от «аванса на колготки», я отдала Илоне Ралиевне – за то, что она закрывала глаза на проживание Вальки с сыном. Она молча приняла от меня пару расплавленных купюр, даже не заикнувшись про эпизод с Джадом. К числу положительных качеств пожилой церберши можно было отнести немногословность и полное равнодушие к происходящему вокруг.

Дверь в мою комнатку была аккуратно вставлена обратно, на месте выдранного с древесным мясом шпингалета сияла новенькая защелка. Вальки с Ваней не было, но ворох ее платьев неизменной пышной горкой укрывал мою кровать. Пообещав себе заглянуть к ним после занятий, я в спешке переоделась и побросала в сумку тетради.

Лильки в университете еще не было. Обычно ее подвозит Антон, а он и пунктуальность – вещи несовместимые. Так что я просто стояла в прохладном коридоре, обрисовывая носком туфли контур падавшей на пол тени.

– Ласкина! – вырвал меня из задумчивости деланно строгий голос Алексея Николаевича. – Проснулась? Молодец. У меня есть свежие правки по твоей дипломной работе. Загляни в свободный вечер ко мне в кабинет. Заодно покажешь новые наработки.

Рогозин важно сдвинул брови, и я прикусила губу. Че-е-ерт! Я на выходных ожидаемо не уделила проекту ни одной минуты. Плакало мое включение в «особую группу».

Свободный вечер, свободный вечер... Нет у меня теперь свободных вечеров.

– Что не так, Олеся? – вдруг участливо поинтересовался профессор, развернулся спиной к окну и присел на подоконник. – У тебя растерянный вид.

Скорее, душевно-потерянный. Ох... Знали бы вы только, как я вляпалась.

– Я не успела на выходных поработать над дипломным проектом, – пробормотала виновато. – Сестра из Лондона приехала погостить с сыном. Суматоха и... вот.

– Понял. Семья – это важно. Особенно в трудные времена, – добродушно кивнул Рогозин и потряс перед моим носом ладонью с крупным обручальным кольцом на пальце. Я знала,

что он, несмотря на солидный возраст, недавно женился. Чем растоптал в пыль непристойные мечты десятков студентов.

Мы оба понимали, что он имеет в виду под «трудными временами». Алексей Николаевич знал больше других о моей непростой финансовой ситуации. Об арестованной квартире, о папином банкротстве, об их с матерью дрызгах и долгах.

Как-то давно, в один из таких «свободных вечеров», я вывалила ему все. Как приставы, не стесняясь стенаний матери, выдворили нас из столичных апартаментов в безликий хостел. «С вещами на выход!» – нервно хохотнул тогда отец, и мать еще месяц припоминала ему привычку юморить, пока в ее жизни происходит форменный конец света. А потом они вовсе перестали разговаривать.

Сейчас родители жили в Воронеже, в нашей старой двухкомнатной квартирке. Попытались склеить брак, больше напоминающий вазу династии Мин, разбитую на тысячу мелких белоголубых осколков. Стертую едва ли не в пыль. Сердце снова болезненно кольнуло – неужели развод? Страшно об этом было даже думать.

Так хотелось хоть одно светлое пятнышко в этом беспросветном потоке гнетущих мыслей, что я решила задать Рогозину тревоживший меня вопрос.

– Алексей Николаевич, а вы...

– Мм? Говори, Ласкина, не томи, – он недовольно дернул плечами и почесал седой висок.

– Всерьез тогда говорили про место в «Лингва Юниверс»?

Недавно он намекнул, что, если я не завалю итоговые тесты, возьмет меня в «семью Рогозина». В его команду лингвистов-международников, сопровождающих VIP-персон, звезд и даже президентов других стран! А это ли не мечта – путешествовать по миру в компании интересных, значимых людей?

– Нет, Ласкина, шутки шутил! Я ведь известный юморист! – фыркнул Рогозин, и у меня к ушам потянулась улыбка.

Шанс вырваться из удушающей петли бедности был так реален, что защипало в носу. Зарплаты у них отличные! Я ведь так и родительские долги смогу отдать.

– То есть с меня только красный диплом, да? – заискивающе посмотрела в серые глаза.

– Все ты сдашь. Я в списках тебя отметил, – Алексей Николаевич снова почесал седеющий висок и приподнял бровь, намекая, что это между нами. – Чтобы Дрейк не наседали. Он отличный специалист, но уж больно дотошный и принципиальный. Не умеет он по-свойски. Американец!

Вот, а я о чем? Нудный тип. И, ко всему прочему, черт. Крошечный такой недостаток (это без учета возможного хвоста, иначе недостаток был бы существеннее). Но не говорить же об этом Рогозину? Мне еще рано в психушку. Я в «Лингва Юниверс» хочу.

День прошел на удивление ровно. Разве что Юра ожидаемо не вернул мою «Латынь», и пришлось конспектировать лекцию на листе, вырванном из Лилькиного блокнота. Солнце уже начало путь обратно к горизонту, когда мы с Аверьяновой покинули последнюю лекцию.

Пока я застегивала на все пуговицы пальто, подруга поправляла перед зеркалом макияж. Ее ухоженная броская красота с каждым годом проявляла себя все ярче. Удлиненное, искусно растрепанное каре смотрелось так, будто девушка час назад искупалась в море, и темные волосы не успели высохнуть. Густо обведенные подводкой глаза контрастно выделялись на бледном холёном личике.

– Одолжишь мне немного до следующего месяца? – Лиля отвернулась от зеркала и поерзала губой по губе, распределяя бледно-розовую помаду. – В пятницу в клуб иду, а наличности – кот наплакал. Предки озверели.

– Сколько? – выдохнула я с некоторой обреченностью, глядя в совершенно невинные глаза. Подруга неопределенно пожала плечом. – Лил, у меня нет лишних. Ты же знаешь, Валя с Ваней...

– Раньше всегда были, – удрученно фыркнула Аверьянова и резко дернула молнию вверх, застегивая отороченную мехом кожаную курточку. – Ладно, проехали. Когда уже твои беженцы от тебя съедут?

– Это моя семья! – тверже, чем хотела, отрезала я. Но, может, так даже правильнее. Иногда Лилю надо ставить на место и спускать с ее персонального Олимпа. – Они будут жить со мной столько, сколько захотят.

– Ладно, не пыли... О тебе, между прочим, думаю, Лесь. Я как-то неделю ночевала с племянником. Ему пять, но я на вторые сутки уже выла. Повсюду чертовы фантики от конфет. И этот гаденыш умудрился извлекать в шоколаде мои любимые простыни с журавлями, – охнула девушка, резко притормозила, о чем-то задумалась и через секунду выдала: – Боги, я надеюсь, это действительно был шоколад!

Я хихикнула, просунув руку в перчатку. Лилькина брезгливость порой забавляла. В те редкие минуты, когда не бесила. Подруга деловито распахнула дверь, вынесла свое упакованное в модные, но непрактичные одежки тельце на январский мороз и поехала.

– Да когда уже это кончится? Сил нет. Они будто издеваются!

– Что «это»? Кто «они»? – недоуменно спросила у подруги, протискиваясь следом.

– Это! – Лиля ткнула пальцем в потемневший от заиндевелого наста старый сугроб. Потом перевела палец вверх и пригрозила пролетавшему мимо облаку. – Они!

– Это просто снег. Так бывает зимой.

– Это гадость, – подруга удрученно протерла платком мысок замшевого сапога и потрусила вперед по дорожке.

Впереди нас вышагивал Юра, придерживая какую-то девушку за талию и не позволяя той скользить на обледенелой плитке. Я уже собиралась окликнуть парня и требовать назад свой конспект, когда его спутница резко затормозила, о чем-то спохватившись. Она стала нервно рыться в сумочке, водрузив ту на приподнятое колено, а второй рукой бесцеремонно ухватив Юру за рукав. Издалека она напоминала изящную цаплю. За рыжими прядями, завесившими лицо, я узнала Милану.

Сердце ухнуло в груди хриплым филином и замерло. Милана и Юра? Мой Юра? Они вместе? Я сглотнула и сделала шаг назад. Еще один... Нет-нет, я не могу с ними столкнуться!

Каблук неудачно поехал, и я с перепуганным вскриком приземлилась «нижними красотодами» в задубевший сугроб с краю дорожки. Тело прошибло тупой болью, которая не шла ни в какое сравнение от острой сердечной. Юра... И Милана...

– Твою ж... Лесь... Ну как так-то? – Лиля картинно закрыла лицо руками, то ли прячась от позора, приключившегося со мной, то ли скрывая неуместную улыбку.

Вставать не хотелось. Я бы сейчас еще разок перезаложила душу, лишь бы провалиться сквозь сугроб. Хоть в преисподнюю, хоть в Нижний мир... Только бы подальше от сочувствующих голубых глаз, и насмешливых – карих. Как истинный джентльмен, Юра, не выпуская из левой руки цаплю-Милану с распахнутой сумкой, протащил девушку по дорожке и протянул мне правую.

– Рановато тебя к земле потянуло, Ласкина, – фыркнула Милана, недовольно поджав губки.

Она бы, конечно, предпочла, чтобы я и дальше изображала из себя ледяную скульптуру «Неудачница в сугробе». Но вместо этого послушно «приехала» за Юрой и его спасительной рукой по скользкой тропке.

Я схватилась за теплую Юркину ладонь и позволила уверенным рывком поставить себя на ноги. Ожидаемо потеряла равновесие и неловко ткнулась лбом в гладкий подбородок.

– Стоишь, Ласка? – парень обхватил меня за талию и легонько прижал к себе, выравнивая мое «шаткое положение».

Аромат вишни и мяты с горячим выдохом прилетел мне в щеку. Каблуки впились в гололед скальными крюками, дыхание отшибло напрочь. Сердце потеряло ориентацию и скатилось в самый низ живота.

– Стою... Кажется. Спасибо, Юр.

Милана прокатилась неодобрительным взглядом по нашим сплетенным телам и затормозила на коленях.

– Оу, да у тебя запасные есть. Значит, не так все плохо?

В ехидных глазках мелькнуло что-то вроде сочувствия, но его тут же поглотила неприязнь: Ивлева перевела взгляд на Лилю.

– В богатстве и бедности, в болезни и здравии, да? – зараза двусмысленно поиграла бровями, и Лиля наморщила нос.

– Мил, ну ты чего? Что за химия такая между вами уже который год? – пробубнил Юра, явно не зная, на чью сторону встать в застарелом противостоянии. За Миланкой большая группа поддержки, за мной – халявные конспекты, написанные красивым разборчивым почерком.

– Никакой химии, – фыркнула девушка и потянула Юру за собой. – Мы в кино шли, кажется?

Я тихонько шмыгнула носом, глядя вслед удаляющейся парочке. Милана и Юра. У них все серьезно? И ведь специально про кино сказала. Зачем так жестоко? Знает ведь. Все знают.

– Забудь, Лесь. На идиотов не обижаются. И у них ничего нет, – тоном эксперта по отношениям заявила подруга.

Я в этом сомневалась, глядя, как Милана поправляет русую Юркину челку, беспорядочно торчавшую из-под шапки бини. Очень уж интимный жест. И все-то у нее легко!

– Так это была ловля на живца? – хохотнула Лиля, когда парочка от нас прилично оторвалась. – Никто не может устоять, когда Ласкина падает на лед!

Я скривилась от ее глупого предположения, а потом вспомнила черта – которого, как известно, поминать не следует. Уже второго «словила» на свое падение. Пожалуй, способ можно запатентовать. Действует безотказно. Но не в моих интересах.

– А ты куда на выходных пропала? Я заходила вечером в общежитие, – Лиля скорчила брезгливую мордочку, словно увидела крысу. – Ралиевна сказала, что ты до сих пор не вернулась. Откуда?

Тело сковало морозцем изнутри. Черт! Я ведь на несколько часов успела забыть, что возвращаться мне сейчас не в общежитие, а на законный коврик у адского диванчика...

– На работе была, – пробубнила еле слышно.

– И кем устроилась? – Лиля подула на розовые гелевые ногти, будто те были свежеекрашены, и залюбовалась их отблесками на уходящем солнце. – Я же предлагала тебя пристроить к своему отчиму. Он не против. Найдет должность специально под тебя.

Сама на своего отчима Лиля работать, разумеется, не собиралась. Ее вполне устраивала приличная «карманная сумма», ежемесячно капавшая на банковскую карту. Я вспомнила, какими алчными глазками на меня третий год смотрит новый муж ее матери и поежилась. Нет, «должность под меня» от этого типа – худшее, что можно вообразить.

Уж лучше на коврике у черта. С ним все прозрачно и оговорено контрактом. Хотел бы большего – давно мог бы воспользоваться ситуацией и заманить меня в спальню под предлогом демонстрации хвоста. А это, между прочим, запрещенный прием! Безотказный. Куда серьезнее «чашечки кофе» и «коллекции гравюр». А Дрейк, наоборот, запретил туда входить. Будто чувствовал, что я нацелилась на его комод.

Мысли снова самым беспощадным образом скатились к черту. Где он сейчас? Какими тайными жуткими делами занимается? Рассказывать Лильке о новой работе было стыдно и неловко. В воздухе уже образовалось грозное облачко, грозившее вылиться в эпичную лекцию на тему «Сколько можно опускаться на дно, Олеся?!».

В Москву мы переехали, когда мне исполнилось двенадцать. Но по-настоящему узнавать столицу я начала только на первом курсе, почти сразу после папиного взлета. Оказалось, что к тем, у кого туго набит кошелек, Москва поворачивается совсем другой стороной. Лицевой. Ну прямо как избушка на курьих ножках. Моим «экскурсоводом» стала Лиля, умевшая проводить время весело и гулять широко. Она знакомила меня со столичной жизнью – клубами, квартирами «золотых мальчиков», красивой одеждой...

А потом меня выбило из колеи. Отец потерял бизнес, погряз в долгах и кредитах и переехал с матерью в Воронеж. Родители постоянно ссорились на почве внезапной бедности. Дело шло к разводу, и мы с сестрой старались не встречать. Выкручивались сами, как могли.

Теперь Лиля делала вид, что несет непосильную ношу, когда провожала меня до облупленной общаги. Конечно, это вам не квартира в центре. Но Милана не зря упомянула про «богатство и бедность». Разве деньги могут влиять на настоящую дружбу?

Я остановилась, заглянула Лиле в глаза и честно призналась:

– Кем-то вроде хаускипера.

– В смысле, домохозяйкой? – поперхнулась подруга. – То есть твои лучшие друзья теперь не я с Антоном, а пылесос, кофеварка и пипидастр?

– Пипи-кто?

– Мохнатая штука, которой пыль сметают. В кино видела, – залилась смехом подруга.

– Это нормальная работа, – я недовольно повела плечом. Не стоило все-таки говорить. Теперь этот фонтанчик нравоучений и подколок два часа не закроется.

– Это унижительно – ползать кверху задницей по чужому полу! – припечатала Лиля, пряча подбородок в меховом воротнике.

– Да что может быть унижительного в том, чтобы приводить все в порядок и наводить чистоту?! – в неожиданном протесте возмутилась я.

– Полностью с вами согласен, Олеся Владимировна, – густым голосом прогремело из-за спины.

По затылку пробежала дрожь, волоски зашевелились от какого-то странного, глупого предвкушения. Похоже, моя душенька узнала владельца и дала телу сигнал беспричинно обрадоваться. Иначе я не могу это объяснить.

– Ой, Даррел! – томно выдохнула Лил и тут же поправилась: – То есть мистер... профессор... Дрейк! Вы абсолютно правы, в чистоте есть что-то магическое... Я тоже ужасно люблю порядок.

Я фыркнула: Лилька действительно «любит» порядок до ужаса. В том смысле, что в ее съемной квартире творится форменный кошмар. Начиная с горы нестиранного белья в ванной и заканчивая окурками, киснувшими в стакане с водой, на балконе.

Дрейк одними губами прошептал «Не позже шести, Олеся» и так пронзительно посмотрел, что я поспешно кивнула – чуть голова не оторвалась. На затылке сконцентрировались мурашки. От страха, конечно. От чего же еще?

Сердце екнуло – мне показалось, изумрудные глаза снова обросли тонкой золотой паутинкой. Ровно как тогда, когда он демонстрировал, что у моей душеньки новый хозяин. Намек? Или это выходит у черта непроизвольно?

Взгляд Даррела метнулся за мою спину. Концентрация золотых искр в нем усилилась, но тут же схлынула, наделив радужки знакомой умиротворяющей зеленкой.

Я невольно обернулась. Нас нагонял Алексей Николаевич, размахивая в воздухе увесистой черной папкой.

– Раз уж гора не идет к Магомету... Изучи на досуге, Ласкина. Тут правки. Не затягивай, – скупое проинструктировал Рогозин и сунул папку мне в ладони. Метнул короткий взгляд на «вашингтонского профессора» и перешел на английский: – Даррел, будь так любезен, задержись ненадолго. Надо согласовать часы лекций для четвертого.

Черт чуть дернул скулами, будто меньше всего сейчас хотел куда-то идти и что-то согласовывать, и предпочел бы и дальше запугивать меня своими магическими искрами... Но покорно склонил голову набок и удостоил Рогозина еле заметным кивком.

Профессора направились к административному корпусу, а мы двинулись дальше по дорожке. Это Лилькино «Даррел!», сопровождавшееся закушенной нижней губой и призывным взглядом голубых глаз, опущенных наращенными ресницами, до сих пор икотой отдавалось в груди. Она даже не представляла, кому строит глазки!

Конечно, я в этой ситуации волновалась за подругу. Не хватало еще Лиле вляпаться так же, как мне. Интересно, что бы он мог ей поручить? Представила себе Лильку, гарцующую с пипидастром – надо будет в поисковике поточнее глянуть, что за диво-дивное, – и настроение немного поднялось.

Уж конечно, она не стала бы закладывать ему душу. Лиля девушка прагматичная и целеустремленная. Знает, чего хочет. У нее ухоженная (местами даже слишком) внешность, популярный парень (по совместительству мой бывший), хорошо зарабатывающие родители. Она вполне счастлива. Только вот постоянно чем-то недовольна. В этом они с Дрейком похожи.

Глава 7

Вдалеке показалась серая коробка моего общежития. Я попрощалась с Лилей и принялась решать в уме математическую задачу.

С одной стороны, мне нужно было забрать вещи и повидать сестру. Поскольку общежитие находилось неподалеку от административного комплекса университета, в каких-то пятнадцати минутах ходьбы, логичнее было сразу направиться сюда. Но пожилая кореянка из химчистки сказала, что потрепанный слим-фит, окропленный кровью Джада, будет готов к понедельнику. А тащиться в химчистку со всеми своими пожитками очень не хотелось.

Я до сих пор не могла себе ответить, почему сдала рубашку не в первую и не во вторую, а именно в третью. Что тому виной – забывчивость, суматоха... или чутье? Сейчас, после звонка матери и ее дурного предчувствия, мне почему-то хотелось снова увидеть хозяйку химчистки.

Почему помощница Дрейка ездила в разные? Может, что-то искала? Или кого-то? Не ту ли самую кореянку, стоявшую за прилавком и развесившую по обшарпанным стенам фото своих детей и внуков?

Но у Дрейка в шкафу и так годовой запас белых рубашек, а мне очень нужны зубная щетка, кроссовки и длинная футболка для сна. Поэтому я решительно направила ноги по скользкой дорожке к общежитию, решив, что черт без своего слим-фита как-нибудь проживет лишний денек.

Сегодня меня ждала очередная ночевка у адского чудища. Интересно, черт выделит мне полочку в шкафу? И как он посмотрит на то, что я суну свою зубную щетку в его стаканчик? Похоже, его персональный упорядоченный мирок, построенный на своде непоколебимых правил, ждет крошечное землетрясение.

Валя валялась на моей кровати, утопая в океане разноцветных тканей, и болтала по телефону на английском. Завидев меня, махнула рукой в жесте «Я сейчас», улыбнулась и... продолжила беседу. Ваня калякал в раскраске и жевал, судя по скомканным оберткам, четвертую конфету. Ох уж эти фантики... Тут я с Лилей полностью согласна: они способны отравить жизнь.

Я достала из шкафа спортивную сумку и принялась заталкивать в нее пожитки. Ворох белья, косметики, парочку растянутых футболок для сна, сменную обувь, пару юбок и блузок, уютный свитер, джинсы... Когда края уже едва сходились, сунула в гущу тряпок чашку с отколотой ручкой. Да, неидеальная и надтреснутая, она внесет дисгармонию в стерильную чертову кухню. Но Дрейк ведь дал официальное разрешение?

Молния с резким «вжиком» застегнулась, и я позволила себе распрямиться. Валька смотрела на меня во все глаза, наматывая спиральку волос на палец.

– Этот твой мужик просто класс! – бойко выдала она после секундной заминки. – Так Джада отметелил! И сам такой из себя... Ух... Не будь я уже замужем...

– Он не мой... Валь, он...

«Черт. Просто черт. Парень из пекла».

– Да брось, я же видела, – менторским тоном заявила сестра и пригрозила мне пальчиком. – И как он вступился за тебя, и как кровь с бровки вытирал... Понятно же, что твой. Иначе бы на моего верзилу не полез. Не смертник!

То, что он кровь вытирал с моего лица, она, выходит, заметила. А то, что я о косяк приложилась и еле увернулась от кулака ее пока еще супруга, – нет? Эх, Валька вся в этом. Святая простота. Не замечает и половины того, что происходит вокруг.

Я снова напомнила себе, как она дрожала под столом, прижимая сына. Наверное, я эгоистка, раз расстраиваюсь, что она на бросилась прикладывать лед к моей голове, пока мы обе ждали Дрейка.

– Ты даже не волновалась за меня? – а я-то, дура, думала, она тут места себе не находит.
– А был повод? – сестра слегка напряглась. – Лесенок, ну я девочка большая. Ты с ним явно была знакома. Поехала, понятно, что к нему домой... Он заступился, заслужил благодарность. Все ясно, как божий день. Ну и чего я буду звонить, выспрашивать, смущать тебя подозрениями или бесить нотациями? Я не мать. Сама расскажешь, как созрешь.

Я вздохнула: вполне резонные аргументы. Наверное, я надумала себе лишнего.

– Он что, съехаться предложил, что ты пожитки собираешь? – с нотками зависти протянула Валя. – У вас все настолько серьезно?

– Вроде того, – вздохнула я. Вляпалась я и впрямь серьезнее некуда.

Может, и к лучшему, что сестра не переживала. Стало бы мне легче, если бы она трезвонила и рвала на себе волосы? Чувствовала свою вину, рыдала в трубку, извинялась? Мне это ничем бы не помогло. А Ваньке нужна психика крепкая, довольная жизнью мама. Пусть уж Валя думает, что я и правда съехала с Дрейком добровольно. Совсем необязательно втягивать всех вокруг в свои проблемы.

– Вот и славно. И тебе приятно, и нам попросторнее, – широко улыбнулась сестра.

Поток вечно спешащих москвичей вынес меня из станции метро. Увесистая спортивная сумка оттягивала плечо, но пройти до новостройки Дрейка было всего ничего. Я поудобнее устроила ляжку-ремень, подняла ворот пальто и потопала в нужном направлении. В общежитии я переобулась в сапожки на плоской подошве, и теперь казалась себе на пол головы ниже, чем обычно. Как меня еще в толпе не растоптали – удивительно.

Повернув за угол, я влетела в высоченного – с небоскребы «Москва-Сити» – мужчину, от которого за версту разило неприятностями. В том смысле, что я сразу поняла: это был последний человек, с которым мне следовало сталкиваться. С другой стороны – а чего он тут стоит прямо за поворотом, будто дожидается кого? Не прозрачный и не бесплотный, между прочим!

– Простите, – тонко пискнула, пряча глаза в мысках замшевых сапог.

– Не стоит беспокойства, – сухо ответил мужчина.

Он был высокий, как жердь. Лет тридцати и метра два с лишним. Кажется, при столкновении я лбом ткнулась ему под грудь. Темные, по-военному короткостриженные волосы очерчивали ровный череп. Сизые, недавно выбритые, чуть впалые щеки подчеркивали бледность кожи и придавали мужику жуткий inferнальный вид. Глаза были такими черными, будто из них выглядывало дно преисподней. Космические дыры, не иначе.

Его взгляд скользнул по набитому вещами баулу.

– Давай помогу, кнопка, – бросил мужик и рукой оперся о стену, преграждая мне путь.

Сердце сжалось до размера бешеной, оголтело стучащей внутри изюминки. Только этого мне не хватало! Время близилось к шести, пустую улицу заволакивал сумрак. Меня ждут курьер, ужин и черт. Нельзя опаздывать.

– Не нужно, спасибо. Мне недалеко, – максимально вежливо буркнула я, улыбнулась и попробовала пройти мимо «доброе самаритянина». Тот нахмурился: такой расклад его категорически не устроил.

– Тем более. Может, нам по пути? Давай сумку, красавица, пока не надорвалась.

Черный, наполняющий гнетущими предчувствиями взгляд прожег меня до затылочных черепных костей. Я отрицательно помотала головой, чувствуя себя мышонком, хвост которого игриво прижимает к полу кошачья лапа. Тип облизнул тонкие губы и едва заметно улыбнулся. Ему понравился мой страх.

Виски и надбровье сжала приближающаяся мигрень, и в разум проник настойчивый шепот: «Попроси помочь... Попроси... Помочь... Пригласи к себе... Впусти в дом...»

Что за чертовщина?! Я с силой потеряла лицо, оперлась плечом о стену и быстро-быстро задышала. Потрясла головой, пытаюсь отделить чужеродные мысли от собственных.

– Эй, ты чего? Тебе плохо, красавица? – мужик потянул ко мне загрубевшие от физического труда пальцы, но, столкнувшись со мной глазами, остановил руку на полпути. Она так и застыла на весу между нами.

– Кто вы такой? – прохрипела чужим голосом, судорожно сжимая ремень спортивной сумки.

Незнакомец как-то по-новому изучил мои черты, ругнулся сквозь зубы на чужом наречии и, резко развернувшись, стремительно пошел по улице. Высокая фигура удалялась так быстро, что через пару минут слилась с чернотой вечера. А я все так и стояла, привалившись к стене.

Собравшись с духом, я неспешно побрела к новенькой светлой многоэтажке. Ну я и трусиха! Даже стыдно. Может, мужик правда хотел помочь? И мне этот зомбирующий голос почудился?

Фигура в длинном плаще снова появилась на горизонте. Мужик сверился с телефоном и... Нырнул в здание, в котором снимал апартаменты Дрейк! Черт побери! Изюминка заколотилась быстрее, взрывая грудь мелкой рваной дробью.

Ничего страшного, там же консьерж... И другие жильцы... Не нападет же он прямо в фойе? Даже если мой черт еще не вернулся, у меня ключ. А значит, я в своем праве войти внутрь. Я тут живу! Временно, да. Но все же.

Я робко протиснулась за массивную дверь с дорогими стеклянными вставками. Незнакомец стоял напротив Витторио, их разделяла отполированная до глянца дубовая столешница. Тип о чем-то расспрашивал консьержа, «Витек» радушно улыбался и открыто жестикулировал.

Дернувшись, как от укола дротиком в шею, мужик резко обернулся. И, кажется, удивился, увидев, как я вошла внутрь и торопливо посеменила к лифту, отгораживая себя от мужчин спортивной сумкой.

Витторио приветливо махнул мне рукой. Шальной пулей я понеслась на другой конец коридора и несколько раз судорожно вжала кнопку вызова. Каждой порой на шее я ощущала жадный взгляд странного джентльмена.

Лифт не торопился меня спасти, и я краем глаза покосилась на беседующих. Почему-то показалось, что они обсуждают «мисс Алессиу». Витторио с приклеенной улыбкой кивнул в мою сторону, пробормотал что-то про «мистера Дрейка». После чего хмурый тип поморщился, как от зубной боли.

Услышав заветное «Дзыннь», я влетела в кабину. Ткнула на «14» и, закусив губу, уперлась глазами в электронное табло. Быстрее, быстрее... Как же страшно, господи! Минуту спустя я вывалилась из лифта на четырнадцатом этаже, добежала до чертовой двери и только с третьей попытки попала ключом в замочную скважину.

Меня трясло так, что стены квартиры, казалось, ходили вверх и вниз мелкой рябью. Я плотно притворила дверь и дважды повернула ключ до успокаивающих щелчков. Но не рано ли я расслабилась? Остановит ли дубовый массив мужика, сумевшего пробраться мне в черепную коробку?

Я разулась, прошла в гостиную и бросила сумку на диван. Разворошив содержимое, выудила из ее недр любимый темно-серый свитер и чашку с отколотой ручкой. Стянула с себя неудобную юбку-карандаш, избавилась от блузки и нырнула в мягкую вязку. Заварила зеленый чай с мятой и уселась на подоконник.

Свитер был растянутым, длинным и широким, и полностью закрывал бедра, обтянутые колготками. Чай – умиротворяюще-горячим. Подоконник уютным. Моя зона комфорта.

От крупной вязки пахло полевыми травами, дачей, вечерней речкой... Забытым домом из мира детства. Сколько раз стирала, а из него так и не выветрилось.

Его связала бабушка из Астрахани, специально выбрав пряжу под цвет глаз. В нем я выглядела до неприличия домашней. От вязки шло успокоительное тепло, словно я на миг

снова оказывалась в бабушкиных объятиях. Хотелось верить, что они могут защитить меня от любых невзгод. Даже от жуткого типа со впалыми щеками, скривившегося от имени Дрейка.

Кухонные часы отщелкнули шесть вчера, и в дверь монотонно постучали. Я чуть с подоконника не улетела – настолько успела расслабиться и поверить в неприступность чертовой крепости. Господи, пусть это будет не тот жуткий тип, ладно?

Из глазка на меня смотрел щупленький парень лет девятнадцати. Курьер.

Две коробки с пищей легли на стол, намертво приковав мой взгляд. Я ожидала очередных диких каракатиц, а этот черт заказал мою любимую «Маргариту». Это такая благодарность за ночной допинг? Эх, если еще и подушку принесет...

Не удержавшись, я выудила из картона залитый сыром треугольник и вгрызлась в него зубами. Влезла на подоконник и прикрыла глаза. Моя зона комфорта наполнилась сырным духом, смешавшимся с мятным чайным послевкусием. Блаженство.

Через пять минут мои пальцы сами полезли в коробку за новым кусочком. Дрейку удалось меня искусить. Некстати вспомнился Булгаковский Воланд. Некстати, потому что мой черт был на него совсем не похож (хотя тоже усердствовал с нотациями). Ну так ведь и «Маргарита» была неправильной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.